

MDLII. 1454.

АННА ПАВЛОВСКАЯ

MADAME DE
CHARNY

Мария, дочь Бургундии

Из цикла *"Тайны герцогов Бургундских"*

КНИГА ВТОРАЯ

12+

Анна Павловская
Мария, дочь Бургундии
Серия «Тайны герцогов
бургундских», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50062700

SelfPub; 2020

Аннотация

Продолжение книги "В поисках единорога" из цикла "Тайны герцогов Бургундских". Цикл посвящен малоизвестному, но яркому эпизоду средневековой истории – взлету и падению герцогства Бургундского. Действие книги развивается в двух эпохах: середине XV века, времени расцвета и падения герцогства Бургундского, и в начале века XVI, когда к власти в Европе пришли новые силы. Героиня цикла Маргарита, как и ее мать Мария – последняя властительница герцогства Бургундского, проходит через испытание любовью, властью, смертью близких, предательство и войны. На обложке: 'Le voeu du faisan', рисунок неизвестного художника 16 века (находится в общественном достоянии).

Содержание

Акт I. Дорога. Страница. 1493–1494 годы	5
Глава 1. Дорожные встречи	5
Глава 2. Юность Марии	48
Глава 3. Нечаянная любовь	81
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Все персонажи и события, происходящие в романе, являются исторически подлинными и основаны на достоверных исторических источниках.

Акт I. Дорога. Страница. 1493–1494 годы

Глава 1. Дорожные встречи

Из Мелена Маргарет со свитой выехала 1 июня рано утром. Длинный кортеж из десяти повозок и 50 всадников растянулся по туманной дороге. Накрапывал дождь, но неунывающий поэт успел перед выездом шепнуть Маргарет, что у них во Фландрии это считается добрым знаком, благословением небес. Герцогиня смотрела на серые башни замка и думала о том, что, странным образом, ей грустно прощаться с этим местом, хотя оно появилось в ее жизни не в самый радостный момент. Интересно, но она не вспоминала Амбуаз, где провела счастливые годы своей королевской жизни. Когда она в спешке покидала его, была в полной растерянности и плохо понимала, что происходит. Позже воспоминания о ее луарском пристанище вызывали боль и разочарование. А вот по Меленскому замку, собору Нотр-Дам с удивительным изображением Мадонны, саду, наполненному запахом жимолости, она уже скучала. Там, в Амбуазе, она была счастливой и глупой. Здесь, в Мелене, через ее переживания и страдания для нее открылся новый мир, она стала старше,

мудрее, что ли. Она узнала, что мир богаче и разнообразнее, чем ей представлялось. Наконец, она открыла для себя свою семью и свой дом, она поняла, что ей не только нечего стыдиться, как она полагала все эти годы, но наоборот, она является отпрыском древнего и великого рода. Это переполняло ее гордостью и величием.

Конечно, она не помнила то время, когда ее, трехлетнюю разряженную девочку, с почетом везли из дома в Париж. Говорят, народ тогда бурно приветствовал свою будущую королеву. Теперь она двигалась в обратном направлении. Король позаботился о том, чтобы ее свита и кортеж выглядели достойно особы королевской крови. Странно, но во многих городках жители выходили на улицы и приветствовали ее с большим энтузиазмом. То ли народ любит обиженных, то ли ее облик юной белокурой девы вызывал симпатию, то ли таким образом выражался интерес к ее предкам (она двигалась по северным территориям, а там мало кто не слышал о войнах короля Людовика и герцога Карла). Трудно сказать, может быть, всего понемножку.

Путешествие проходило легко. Для Маргарет каждый день был открытием, она практически путешествовала первый раз. Каждое утро Маргарет тщательно одевалась, продумывая свой туалет до мелочей. Она должна была соответствовать ожиданиям толпы и не уронить чести своей семьи. Лучшие платья и семейные драгоценности, тщательно уложенные волосы, прямая осанка и гордо поднятая голова, да-

же если поездка была долгой и утомительной. Более того, каждое утро юная герцогиня внимательно осматривала свою свиту, всякая небрежность и неаккуратность строго пресекались. Маргарет внезапно почувствовала себя хозяйкой и правительницей, чувство было новым, но крайне приятным.

Маршрут был тщательно продуман, и в каждом новом месте их ожидало подготовленное к ночлегу удобное жилье. Маргарет старалась не задерживаться, ей не терпелось добраться до места, но надо было соблюдать правила приличия и распорядок, намеченный заранее. Ее принимали с большим почетом. Епископ города Бове, он же Луи де Вилье, граф де Бове, с давних времен духовные властители являлись и светскими правителями города, лично вышел к воротам города с пышной свитой, чтобы встретить гостей. Молине по дороге успел рассказать Маргарет историю, которая, как он утверждал, еще не успела забыться. В 1472 году войско Карла Смелого попыталось захватить город. Защитники были малочисленны и растеряны, бургундский солдат уже взобрался на крепостную стену и водрузил на ней флаг. И тут шестнадцатилетняя крестьянская девушка Жанна, схватив топор, бросилась на стену и зарубила солдата, сорвав вражеский флаг. Ее поступок столь воодушевил жителей города, что все сообща, включая женщин и стариков, смогли отбить противника, выдержали почти месячную осаду и дождались подкрепления французских войск. Людовик XI был так восхищен подвигом и девушки, и города, что осыпал их особы-

ми милостями.

Эта история заставила Маргарет немного поволноваться, въезжая в город, но и здесь ее ждал радушный прием. Епископ устроил для нее и свиты прекрасный обед (Молине остался очень доволен местным способом приготовления сладкого крепленого вина), разместил всех в своем дворце и был очень гостеприимен. Этот симпатичный и относительно молодой человек с большим воодушевлением рассказывал об удивительном соборе своего города.

– Наш собор Святого Петра начали строить уже два с половиной столетия назад. Но замысел был столь честолюбив – построить самое высокое здание в Европе, что его до сих пор не удалось завершить. Только недавно мне удалось найти средства, и мы возобновили работы. Все епископы Бове заняты преимущественно поисками средств на строительство своего собора, тот, кто сможет осуществить это грандиозное дело, станет местночтимым героем, а может быть, и святым. Беда в том, что из-за каких-то просчетов, а может быть, как наказание за гордыню, постройка трижды за сто лет обрушивалась на головы строителям, обрекая многих на гибель. И все-таки это самое прекрасное здание во Франции, во всяком случае так думаю я и жители города. Мы гордимся им, и я надеюсь, что вы оцените его по достоинству. Наш городок ничем особенно не замечателен, так что собор – наша самая большая гордость.

– Значит, я с особым удовольствием посетю завтрашнюю

мессу, – отозвалась Маргарет.

– Совсем недавно у нас была еще одна достопримечательность: раз в год в январе мы отмечали праздник Осла. Конечно, как лицо духовное я крайне критически отношусь к таким проявлениям дикости и язычества. Хотя формально празднество было приурочено к евангельскому сюжету о бегстве Святого Семейства в Египет. В городе выбирали самую красивую девушку и усаживали ее на осла. Нарядная толпа, разодетая в шутовские одежды, провожала их до нашего собора, где их с почетом встречали служители храма и провожали к алтарю. Затем служилась пышная месса. Каждая ее часть завершалась ослиным криком. – Епископ захихикал. – Это было кощунственно, но ужасно смешно. В конце священник, служивший мессу, трижды кричал ослом, а вся паства повторяла за ним следом «И-а! И-а! И-а!»

– После этого все хором исполняли смешную песенку, в которой прославляли осла, превозносили его силу, выносливость, терпение и прочие добродетели. Священник пел на латыни куплеты, а прихожане по-французски – припев.

Епископ неожиданно пропел хорошо поставленным голосом несколько латинских фраз и сам перевел: «Хочешь лечь спать сытым – Аминь (все опускались на колени) – окропи себя святой водой и прокричи трижды: “Аминь!”» Прихожане обращались к «сиру ослу» со словами: «Сир, да вы осел, шли бы вы лучше куда подальше!» Ну а потом все дружно и весело выводили осла из храма. За всем этим, как водится по

любым поводам, следовали шумные и веселые уличные гуляния: расставляли столы, выкатывали бочку пива (в наших местах любят пиво) и устраивали танцы. Юноши нацепляли ослиные уши и отплясывали с красавицами.

Все смеялись, Маргарет, до последнего старавшаяся соблюдать серьезность, тоже не удержалась.

– Говорят, что этот праздник таким образом отмечали в нашем городе более тысячи лет! Да, – в голосе епископа слышалось отчетливое сожаление, – хорошо, что наконец-то серьезно занялись всеми этими безбожными развлечениями и искоренили их.

Рано утром Маргарет с сопровождающими, среди которых был и епископ, отправилась в собор на мессу. Возможно, из-за того, что она ожидала увидеть нечто прекрасное, она была разочарована. Здание показалось ей громоздким, нелепым и лишенным пропорций. Хотя епископу она поспешила высказать свое восхищение. Зато оказавшись внутри собора, Маргарет замерла от чувства восторга. Удивительно гармоничное помещение, несмотря на поражающий зрителя огромный размер, оно заставляло трепетать и благоговеть. Маргарет вдруг почувствовала себя маленькой и ничтожной, девочкой, которая строит из себя великую правительницу, ведет глубокомысленные беседы и лопается от гордости. Ей вдруг показалось, что все должны в глубине души смеяться на ней. Она погрузилась в молитву, стараясь вернуть себе спокойствие.

И оно снизошло на нее. Маргарет осмотрелась. Собор украшали удивительные по красоте витражи, превращавшие эту стройную громаду в сказочный дворец. Стены были украшены шпалерами, алтарь застлан ковром. Благоухали расставленные в вазах цветы. «Удивительно красиво и величественно», – подумала Маргарет. Вдруг она представила себе осла, жующего цветы у алтаря, и с трудом удержалась, чтобы не фыркнуть.

Погостив у гостеприимного епископа два дня, кавалькада двинулась дальше. Конечно, были и сложности. Так, жители города Амьен, отошедшего к французской короне после гибели Карла Смелого, не пожелали приветствовать внучку своего бывшего господина и несостоявшуюся королеву нынешнего. И все-таки это было скорее исключение; Маргарет не переставала удивляться тому, с каким энтузиазмом ее приветствовали. Местность, по которой они проезжали, становилась все более однообразной: плоская земля, болота, даже поля казались каким-то тусклыми в сравнении с цветущими землями Франции. Но она с нетерпением ждала встречи с родной землей, и все вокруг умиляло ее.

Впереди была еще остановка в епископальном городе Камбре. Формально Камбре был центром независимого государства в составе Священной Римской империи, однако последние сто лет тяготел к Бургундским Нидерландам, и только гибель Карла Смелого предотвратила его включение в состав герцогства Бургундского. Однако и епископ, и насе-

ление этого маленького, но крайне важного, и с точки зрения духовной, и стратегической, государства по-прежнему были преданы Бургундскому двору и находились в тесном с ним взаимодействии. Не говоря уже о том, что Маргарет одновременно была и представителем Габсбургов, пусть и формальных, но сюзеренов Камбре.

Въехав в его границы, Маргарет сразу почувствовала, как усилился накал приветствий. Жители деревень, по которым ехал ее кортеж, приветствовали ее восторженными криками «Noel, Noel!», старофранцузским приветствием высшего господина. В одной из них Маргарет внезапно остановила свою карету и, высунувшись в окно, прокричала: «Не надо кричать мне: “Noel”! Кричите: “Многие лета, Бургундия!”» Молине был восхищен ее поступком.

При подъезде в Камбре он подсел к ней в карету, в которой она ехала в сопровождении Жанны де Альвен и дежурной придворной дамы, выразил свое почтение и немного посвятил ее в то, что ожидает их в Камбре.

– Нынешний епископ, а он здесь уже почти 15 лет, личность удивительная. Происходит он из знаменитой семьи Ван Берген, или де Бергов, у нас, как вы знаете, все время путаница, то французский, то фламандский входит в моду. Так вот, отец семейства, Ян II ван Глеймс, лорд Берген-оп-Зом, ему сейчас под восемьдесят, самого что ни на есть благородного происхождения в местном фламандском исполнении. Кроме этого, он обладает еще и хорошими средствами, а за

свою жизнь еще и приумножил свои земли, так что ему есть что оставить своим потомкам. И вот тут я должен сказать, что производство на свет потомства было, наверное, самой большой слабостью этого волевого человека. И хотя мадам де Альвен хмурится, я все-таки отмечу, что и в этом вопросе он преуспел. Говорят, он увеличил население своих земель не меньше чем на 50 человек, это не считая пяти законных продолжателей рода.

Но что приятно. Согласно доброй традиции, заложенной вашим прадедом, теперь мы можем говорить об этом свободно, Ян-старший не оставил никого из своего потомства без внимания, и многие из них вышли в люди. Ну, конечно, если имели к этому способности. Многих ван Бергенов вам еще предстоит встретить при дворе. Сам Ян II был доверенным лицом сначала Филиппа Доброго, с которым он организовывал Крестовый поход, для чего даже ездил к Папе Римскому, потом Карла Смелого, в котором он пытался завоевать пол-Европы.

А сейчас его сыновья вполне активно захватывают различные позиции при дворе. Конечно, семейство ван Бергенов никогда так не бросалось в глаза, как семья де Круа, к тому же им не хватало утонченности и блеска последних, они часто шли по богословской линии, но, поверьте мне, они так же вездесущи. Кстати, непобедимое семейство де Круа тоже не бездействует и тоже вполне успешно размножается, так что вас впереди ждет много интересных знакомств. Ваш

двор не останется без придворных.

– Если наш уважаемый разговорчивый поэт позволит мне вставить слово, – вмешалась Жанна де Альвен, – то я смогу подтвердить его слова. Действительно, Ян-старший, человек солидный и обстоятельный, выполнял различные поручения ваших предков. Сейчас он редко появляется при дворе, этакий патриарх. Детей он и правда хорошо пристроил, теперь они уже поддерживают друг друга. Его сын и наследник Ян-младший, ему около сорока, вполне преуспел. Активную карьеру он начал при вашем отце Максимилиане. Он один из немногих представителей старого местного дворянства, кто безоговорочно принял его и остался при дворе. Он был даже произведен в рыцари Золотого Руна в 1481 году, а это огромная честь, я, честно говоря, до сих пор не знаю, за какие заслуги он ее удостоился. Может, как награду за лояльность к герцогу Максимилиану?

– Вспомните, какое это было смутное время, – хмыкнул Молине. – Не думаете же вы, что могли в этой мутной воде углядеть рыбку? Ван Берген исчез в роковом 1477 году, по этому поводу тогда напустили туману. Потом он появился и был сразу назначен на высокую должность старшего камергера к Максимилиану, а также стал членом его тайного совета. Сейчас он занимает эту должность у герцога Филиппа. Конечно, странно, что молодой человек сразу получает такую заметную должность, не совсем понятна и его внезапная преданность Максимилиану, которого, судя по всему, он

никогда ранее не видел.

Ну да ладно. Остальные братья тоже времени даром не теряли. Есть Михель, он больше занят семейным бизнесом и по этой части поддерживает контакты с герцогами. Впрочем, что касается приумножения своего состояния, то тут все ван Бергены получили в наследство отцовскую хватку. Младший (из законных детей) Корнелий совсем юным сражался рядом с вашим дедом Карлом в трагической битве при Нанси, был ранен, что не помешало ему через два года поддержать вашего отца в битве при Гинегате, первом победоносном сражении будущего императора. Потом он не раз участвовал в подавлении волнений во Фландрии, некоторое время был даже адмиралом Нидерландов, но вскоре был смещен с этой должности вашим родственником Филиппом Бургундским. Сейчас он находится при дворе вашего брата.

– Кстати, дочь Корнелия, Маргрет, так же как и дочь Филиппа, Карлотта, – снова вмешалась Жанна, – находятся сейчас при дворе. Они ваши ровесницы, было решено, что им пора начинать придворную карьеру. А у вас будет с кем общаться, не только с нами, старухами.

– Из побочных детей в люди выбились Антон, избравший духовную карьеру, и Дисмас, который сейчас обучается в университете Лёвена, с моей точки зрения, лучшем университете Европы, основан он был в этом веке одним из ваших родственников.

– Действительно талантливое и обширное семейство, –

отозвалась Маргарет, у которой уже стали путаться в голове все имена и родственные связи. Про родственника Филиппа она слышала впервые, но решила, что время расспросить подробнее еще будет, а сейчас она окончательно запутается.

– И это еще не все. Мы переходим к двум столпам церкви, порожденным этим мощным северным родом. Знаете, ваша светлость, мне иногда бывает обидно, что в Европе так мало знают о том, какие удивительные люди живут в наших низинных болотистых местах. Стоит только кому-то выбиться в люди, так его тут же называют «французом», совершенно игнорируя его происхождение. Впрочем, известно, что большие рыбы пожирают малых, так что грех жаловаться.

– Вы, мой дорогой сир Молине, забываете все время еще одно важное высказывание: у кого рот на запоре, тот ни с кем не бывает в ссоре.

– Благодарю вас, мадам де Альвен, однако боюсь, мне и напоминать об этом бесполезно. Так вот, Антон ван Берген, из законных, тоже обучался в университете Лёвена, а затем принял обет и присоединился к Цистерцианскому ордену. Некоторое время он провел в аббатстве в Бургундии, той, которая теперь французская. Потом какой-то период возглавлял аббатство Святого Трудона, которое находится на территории Льежского епископства, там как раз очень удачно в тот момент располагались войска, которыми командовал его брат Корнелий. Правда, поражение войска одного брата привело и к расставанию со своим постом другого. Сей-

час он энергично сражается за освободившееся место настоятеля аббатства Святого Бертрана в Сент-Омере. Старинное аббатство это, оно известно с VII века. Когда-то было самым влиятельным в своем регионе. Сейчас слава его немного померкла, но оно по-прежнему процветает. Беда в том, что недавно настоятелем был избран совершенно другой человек. Но ван Бергены так просто не сдаются. Теперь он подключил к борьбе своего старшего брата Хендрика, и я не сомневаюсь, что сообща они своего добьются. Они не из тех, кто возьмет куриное яйцо, упустив утиное, поверьте мне.

– Что означает?.. – поинтересовалась Маргарет.

– Своего не упустят, что-то вроде этого. Вот мы и подобрались к главному персонажу нашей истории: Хендрик ван Берген, старший брат и епископ Камбре, с которым мы будем иметь удовольствие вскоре встретиться. Думаю, и Антон там, он временно не у дел, и они сейчас сообща интригуют против выбранного настоятеля. Так вот, Хендрик учился в Лёвене, Орлеане, Риме и Перудже. Странствовал пилигримом в Святую землю. Человек чрезвычайно образованный, знает пять языков, начитан и ко всему этому еще и умен. Епископом Камбре стал при жизни вашей матушки, сейчас главный духовник при дворе вашего брата. Человек до крайности честолюбивый, ему нравится влиять на происходящие вокруг события и окружающих людей. Думаю, не без тайной мысли покровительствует разным дарованиям, которых находит во время своих многочисленных поездок по нижним

землям. Кто знает, может, кто-то из них и станет знаменитым и прославит и его имя в веках.

В этом году епископ ван Берген был избран канцлером Ордена Золотого Руна, это ответственный пост, его доверяют только самым надежным, что говорит об отношении к нему вашего отца и брата. Скажу по секрету, со дня на день он ожидает вызова в Рим, очень надеется получить красную кардинальскую шапку. Правда, в Риме что-то не спешат, они там тоже не такие простаки. Таким образом все многочисленное семейство ван Бергенов, ваша светлость, крутится вокруг герцогского двора, и думаю, вам не избежать тесного общения с ними в вашей жизни.

Кстати, один из его подопечных, Франс ван Бюслейден, служивший секретарем у епископа и по его протекции попавший ко двору, сделал крайне удачную карьеру. По духовной линии он продвигается медленно, сейчас он архидьякон собора Святой Гудулы в Брюсселе, зато преуспел в качестве дипломата и государственного мужа. Уже почти десять лет он наставник вашего брата, и тот испытывает к нему исключительное доверие. Его поддерживает ваша бабушка Маргарита Йоркская, а ее расположения добиться ох как нелегко. А ваш отец доверил ему ведение переговоров в Сенлисе, так что можно сказать, что в какой-то мере благодаря ему мы имеем счастье везти вас домой. Правда, мне кажется, что все эти успехи стали уже вызывать некоторую задумчивость у его первоначального покровителя, епископа Камбре, но ведь

не подкуешь так, чтобы не споткнуться, вот и протезе епископа не всегда оправдывают его ожидания.

Тем временем вся компания добралась до города Камбре. Его стало видно издалека, он стоял на небольшой возвышенности в окружении распаханых полей, так что ничто не загораживало вида. Сами поля создавали удивительно живописный фон, они были покрыты нежно-голубыми цветами. Голубая земля, ярко-синее небо, день был ясный, и посередине каменная громада города Камбре. Его большие круглые башни и мощная крепостная стена произвели на Маргарет впечатление.

– Да, это интересный город, – как будто прочитал ее мысли Молине, – духовный центр и одновременно мощная крепость. Слишком много желающих было в истории покусьтся на наши болотистые земли, вот и понастроили еще в прошлом веке такие вот форпосты. Кстати, о болотах: их здесь в округе много, они сопровождают великую реку Шельда, на которой стоит город. Французы предпочитают называть ее Эско, чтобы отличаться от фламандцев, с которыми они эту реку делят. На ней, кроме Камбре, стоят такие крупные фламандские города, как Валансьен, Турне, Гент и Антверпен, не удивительно, что она используется как важное средство передвижения для людей и грузов, чему, правда, очень мешает заболоченность. Шельда во многом определяет процветание Камбре: кроме водного пути, она обеспечивает охрану городу, уже отсюда видно, что вся левая и центральная части

крепости окружены водой. На ней строят мельницы, в ней размачивают лен, ну и, я так полагаю, ловят рыбу. Да, здешние миноги считаются особенными.

А голубые цветочки, которые вы видите вокруг, это не украшение, а главное богатство этих мест. Издревле торговля льняными тканями, батистом, ну а заодно и шерстяными материалами отличной выделки составляет главное занятие местных жителей. Ну не считая, конечно, обслуживания весьма значительного по размерам двора своего епископа. И приносит весьма значительную прибыль, здешний батист считается одним из лучших в Европе. Так что поля эти в некотором смысле золотые.

Между тем путешественники проехали по подвесному мосту, перекинутому через реку, опоясывающую стены, и въехали в массивные ворота, состоявшие из двух круглых башен, украшенных зубцами.

– Это ворота Гроба Господня, названные так по собору, расположенному рядом с ними, – продолжал свои объяснения Молине, родившийся неподалеку от этих мест, – в народе их называют проще – Парижскими, так как дорога от них, как мы имели возможность убедиться, идет прямо до этого города.

– Как много садов! – восхитилась Маргарет, любительница садов и парков. – И как они изящно устроены – симметричными узорами, заполненными цветами. Во Франции сады прекрасны, но больше направлены на практические нуж-

ды, выращивание плодовых деревьев. Только итальянские фонтаны и беседки, увитые цветами, служат чисто эстетическим целям.

– Болотистая местность и избыток влаги имеют свои преимущества, здешние жители научились этим пользоваться. Я говорю не только о Камбре, а о нижних землях вообще.

– О да, – добавила Жанна, – вам понравится у вашей бабушки, она тоже большая любительница цветов.

Кавалькада проехала по узким улицам городка, Маргарет заметила, что дома уже заметно отличались от того, к чему она привыкла. Особенно ее умилили забавные треугольные крыши, спускавшиеся ступеньками. Вскоре они подъехали ко дворцу епископа, находившемуся рядом с центральным собором, и только укоренившаяся привычка соблюдать правила приличия позволила Маргарет сдержать свое удивление при виде его.

У входа во дворец ее встречала большая группа священнослужителей во главе с самим епископом.

– Дитя мое, – обратился к ней епископ Камбре, – для меня огромная честь и большая радость приветствовать вас здесь, практически уже дома. Я счастлив приветствовать и предложить кров наследнице Бургундского дома. И дочери нашего императора, конечно, – поспешно добавил он.

Состоялись обмен любезностями и представление. Епископ произвел приятное впечатление на юную герцогиню: худой, высокий, он имел вид подвижника и аскета,

взгляд у него был очень внимательный, манера разговаривать неспешная, только временами проявлялась горячая натура этого человека, научившегося сдерживать свои порывы и укрощать желания. А вот его брат Антон был другим – полноватый, с круглым лицом, он явно не пренебрегал радостями жизни, конечно, в рамках дозволенного его сану и положению. Он был очевидно умен и честолюбив, как и его брат, но позволял себе быть жизнерадостным, так что общаться с ним было легче, чем с суровым аскетом епископом.

Вся свита странствующей герцогини удобно расположилась в просторном дворце епископа. Епископ лично сопровождал Маргарет во время прогулки по городу. Они встретились в саду епископского дворца. Сад был небольшой, но весь засажен цветами, из которых были составлены симметричные узоры: ирисы, гвоздики, лилии, колокольчики, все это было засажено так плотно, что создавало видимость яркого ковра. Круглый пруд в центре, в котором плавали большие рыбы, удачно вписывался в общую картину, по бокам сада проходили небольшие каналы, через которые были перекинуты ажурные мостики. Маргарет выразила свое восхищение.

– О да, – охотно отозвался епископ, – у нас в городе очень мало земли и зелени, зато много воды, вот жители и приспособились украшать свою жизнь. Такие садики есть почти у каждого дома. Но прошу вас, пройдемте, в нашем городе много чудес.

– Я заметила главное, монсеньор епископ, – ваш удивительный собор. По правде сказать, он меня поразил, я никогда не видела такого великолепия. – Маргарет стало неловко из-за чрезмерной восторженности в своем голосе. – Я, конечно, мало что еще видела, – добавила она извиняющимся тоном.

Но епископу Камбре понравилась ее горячность.

– Наш собор Нотр-Дам де Грас иногда называют чудом нижних земель. И я считаю, абсолютно справедливо. Строительство его началось еще в XII веке, после того как сгорел старый, а во всей красе он был завершен совсем недавно, в 1470 году. Он один из крупнейших на севере Европы. Но дело не в размерах, он удивительно гармоничен. Прошу вас, пройдемте, и я покажу вам его и еще одно чудо нашего города.

Маргарет, епископ Камбре, его брат преподобный Антон ван Берген, несколько священнослужителей, сопровождавшие Маргарет дамы и присоединившийся к компании Молине вышли на улицу и оказались прямо перед огромным, устремленным высокой башней со шпилем в небо собором. Внутри собора Маргарет поразило освещение, казалось, что свет льется из какого-то источника внутри собора. Он дарил удивительное ощущение радости.

Но епископ с таинственным видом вел ее дальше, вглубь собора, в один из боковых пределов. Там висела небольшая потемневшая икона Мадонны с младенцем. Она была совсем

не похожа на те, которые Маргарет привыкла видеть: у богородицы был темный лик, узкие глаза, прямые черные брови, почти сходящиеся у переносицы; она нежно прижималась щекой к щеке младенца, который прильнул к ней, ухватив за подбородок.

– Эта икона, – в голосе епископа слышалась торжественность, – написана самим святым Лукой еще при жизни нашей Святой Девы Марии. Сначала ее тайно хранили в Иерусалиме, а потом более тысячи лет почитали в Константинополе и вывезли оттуда, когда нависла угроза захвата города османами. Ее называют «Умиление», отсюда и название нашего собора. В 1451 году ее привез сюда каноник нашего собора, и с тех пор на наш город снизошла особая благодать. Это чудотворная икона, я могу рассказать вам множество историй о чудесных исцелениях и иных таинственных деяниях, совершенных ею за последние годы.

– Город Камбре, – подхватил аббат де Берген, – стал настоящим центром паломничества в Северной Европе. Поклониться иконе приезжал и ваш прадед Филипп Добрый, и дед Карл Смелый, очень почитал эту Мадонну французский король Людовик XI. За тот короткий период, что Камбре был захвачен французскими войсками, сразу после гибели Карла, он приезжал сюда дважды. Правда, – усмехнулся румяный аббат, – чуда в данном случае не произошло: французов отсюда с позором изгнали благодаря вмешательству вашего батюшки-императора. Герцог же Филипп надеялся, что

присутствие такой важной реликвии в его землях привлечет внимание к главному делу его жизни: организации нового крестового похода против неверных. Он приказал сделать несколько копий с иконы и разослал их по разным церквям нижних земель. Увы, и этому не суждено было сбыться, на все воля Господа.

– Но паломничество в Камбре и чудеса, творимые Пресвятой Девой, слава Спасителю, продолжают, – подвел итог епископ.

Маргарет внимательно смотрела на икону. Ей она показала-ась олицетворением материнской любви и нежности, того, чего она в жизни не знала. Загадочный темный лик заморозил ее, узкие раскосые глаза богородицы смотрели прямо на нее, и казалось, проникали прямо в душу. Мысленно она попросила Мать Марию (которую из них?) о помощи и прощении. Ей так хотелось быть достойной своей Матери, это становилось навязчивой идеей, а она была так мала и слаба. Что ждет ее впереди? Справится ли она со всем тем бременем ответственности, которую она все больше ощущала, чем больше узнавала о своей семье и ее великом прошлом? Дева Мария смотрела на нее ласково, утешающе.

Они прошли дальше, а аббат де Берген все возвращался в разговоре к знаменитой реликвии:

– Вы знаете, ваша светлость, эта маленькая икона привела к значительным, хотя и неожиданным последствиям. В великом искусстве, которое породили наши северные земли, а я

считаю его самым значительным в Европе, хотя некоторые и отдают предпочтение итальянцам, ее присутствие оказалось более чем заметным. Все великие художники современности побывали здесь, ее влияние отразилось на полотнах Дирка Баутса, Петруса Кристуса, великого Рогира ван дер Вейдена и ныне здравствующего в Брюгге Герарда Давида. Это из великих, а тех, кто рангом помельче, и не сосчитать.

Маргарет подумала, что аббат ван Берген чем-то напоминает ей Молине: когда он начинал говорить, остановить его было сложно. Впрочем, его брат епископ решительно прерывал его на полуслове.

– Я хотел бы обратить ваше внимание на еще одно чудо, которым славится Камбре, – обратился он к Маргарет. – Этот маленький городок можно назвать колыбелью прекрасной музыки. Одного того, что здесь начинал свой жизненный путь великий Гийом Дюфан, было бы достаточно, чтобы оправдать подобное заявление. Он жил вместе с матерью в нашем городе, отца своего он не знал, их приютила родня. Здесь, в Камбре, он был сначала клириком, потом помощником священника, а в конце концов каноником в нашем соборе. Он много лет провел в Италии, при дворах различных вельмож, и при папском дворе, но в конце концов осел на родине, в Камбре, был придворным музыкантом и композитором бургундского герцога. Филипп Добрый оказывал ему всяческое покровительство, для него Дюфан сочинил свою знаменитую мессу *L'homme armé*, цель которой была вооду-

шевить на новый Крестовый поход.

– А я люблю не только его великую духовную музыку, – вмешался аббат, – он писал и песенки для друзей, одна из них, сочиненная к отъезду из наших мест, «Прощайте, добрые вина Ланнуа!», просто замечательна.

– Здесь он и похоронен. – Епископ указал на надгробие, на котором были выбиты портрет композитора и соответствующая надпись.

– Помимо Дюфана в Камбре в разное время работали почти все значительные композиторы и музыканты нашего столетия. Николя Гренон, приятель и сосед Дюфана, они были соседями, жили напротив собора рядом с булочной, руководил здесь хором, преподавал нотную грамоту и сам пел в хоре, он служил трем герцогам Бургундским, начиная еще с Филиппа Смелого. И его могила находится в нашем соборе. Не так давно скончавшийся в Брюгге Антуан Бюнуа много лет был певчим при дворе Карла Смелого, членом его придворной капеллы. Свой путь музыканта и священника он начинал тоже здесь.

– О, я прекрасно его знал. Он был неразлучен с герцогом, сопровождал его во всех битвах и сражениях, – позволил себе вмешаться Молине. – Он сочинил много песенок: «Per me Busnois illustris comitis De Chaurolais indignum musicum» – «Я, Бюнуа, недостойный музыкант светлого графа Шароле», – почти пропел поэт. – Он потом служил и вашей матери, и отцу. Пока не удалился на покой в Брюгге.

Епископ строго посмотрел на Молине, но ничего не сказал.

– Из наших современников надо назвать Иоанна Тинкториса, он был викарием в Камбре и брал уроки музыки у великого Дюфана, и Александра Агриколу, тоже бывшего здесь викария. Сейчас оба, к сожалению, находятся на службе у неаполитанского короля Фердинанда I, большого ценителя музыки, буквально скупающего всех лучших музыкантов Европы. Но мы продолжаем надеяться на их возвращение домой. Сейчас, когда юный герцог Бургундии, достигший совершеннолетия, вот-вот возьмет власть в свои руки, думаю, многое изменится и бургундский двор оберет свой прежний блеск.

Маргарет вдруг почувствовала укор совести. Упоминание Фердинанда I, дедушки ее подруги Карлотты, напомнило ей о подруге, практически забытой. Конечно, покидая Мелен, она отправила ей прощальную записку и подарок, как и многим другим своим знакомым, но после этого ни разу о ней не вспомнила. Новая жизнь захватила ее, в ней было столько интересного, каждый день как открытие. Ей стало жаль подругу, жизнь при французском дворе показалась ей серой, скучной, как в душной темнице, где все подчинено строгому распорядку, установленному Анной де Боже, а все, что происходит в мире, тщательно скрывается от младшего поколения. Удивительно, как ей могла нравиться та жизнь, а она ведь думала, что была счастлива. Или это королевское

звание затмило ей разум?

Тут до нее дошло еще одно важное, хотя и вскользь брошенное епископом замечание. Ее брат Филипп скоро выходит из-под отцовской опеки, и все нижние земли и, видимо, остальные бургундские владения, а может быть, и вся Европа, с нетерпением, а кто и со страхом, ждут возвращения герцога Бургундии. И ее приезд домой добавляет к этим ожиданиям надежды: Бургундский дом возрождается. Аббат де Берген продолжал что-то говорить про полифонию в бургундской музыке, а Маргарет никак не могла вырваться из своих мыслей. Неслучайно возвращение домой и радует ее, открывая новую жизнь, и пугает тяжким бременем ответственности. Как не обмануть ожидания? Интересно, что думает по этому поводу ее брат?

Вечером их ждал пышный обед, во время которого музыканты продемонстрировали свои таланты, подтвердив репутацию Камбре как музыкальной столицы нижних земель. Епископ Камбре оправдал предположение Маргарет о его аскетизме, а его брат вполне ожидаемо проявил себя как гурман и любитель красивой жизни. Мяса на столе не было, зато рыба и фрукты были представлены в изобилии. Знаменитые местные миноги, угорь во всех видах, карп, тушеный в большом количестве специй. Стол отразил и близость к морю, было много морской рыбы: макрель, запеченная на открытом огне, тушеная с луком-шалотом камбала, соленое китовое мясо, считавшееся простой едой, но любимое еписко-

пом. Маргарет понравился галантин из ската, приготовленный как-то по-особому.

– Это особый рецепт, по которому готовят в доме епископа, – охотно откликнулся на ее похвалу аббат ван Берген. – Сначала замачивается большое количество очищенного и прожаренного миндаля, его толкут, смешивают с имбирем и чесноком, процеживают, варят и заливают этой смесью размолотого на мелкие кусочки ската. Кладут в форму и ставят под грузом на холод. Особенность этого блюда – в небольшом количестве специй и значительном объеме миндального молока, желе получается особенно деликатным. Вообще считается, что скаты вкуснее всего в октябре, когда они питаются свежей селедкой, но мне кажется, что это предрассудок.

– И соленая сельдь с горчицей удивительно вкусная, – отметила Маргарет. – У нас... – Она осеклась и поправилась: – Во Франции ее почти не едят, во всяком случае при королевском дворе, я пробовала несколько раз, но она не такая вкусная.

– Да, – подтвердил аббат, – селедку у нас едят много и с удовольствием, причем во всех слоях общества. Должен вам сказать, ваша светлость, что кулинария является монашеской сферой. Мой брат, я вижу, недоволен мной, но это правда. Я несколько лет был аббатом в бургундском монастыре Мон-Сан-Мари, так вот там хранится огромный фолиант, в который монахи вот уже более четырех столетий

записывают рецепты и наставления по ведению хозяйства. И что удивительно, каждое поколение вносит что-то новое! Чем меньше выбор продуктов, тем больше фантазия. Тем, кто каждый день ест свежую дичь, не надо придумывать 150 способов приготовления яиц, которые в том монастыре составляют львиную долю пропитания.

– А что бы вы, преподобный отец, отнесли к местным особенностям, помимо любви к селедке? – поинтересовалась Маргарет.

– Ну, стол бургундских герцогов ничем не отличается от королевских столов Европы, может, только получше будет. Но в целом различия, конечно, есть. Мы едим больше пирогов, любим их обжаренными в масле или растопленном сале. Много используем горчицу, даже когда не надо. Любим добавлять фрукты к рыбе и мясу. Да, и конечно, пиво. Вы въехали на его территорию. Нет, вино у нас тоже любят, но большинство отдает предпочтение ячменному напитку, считая здешнее пиво лучшим в мире. Я с этим соглашусь.

Епископ не принимал большого участия в этой гастрономической беседе. Сам он ел мало, но никого не торопил, обед протекал неспешно. В конце подали фрукты, среди них были айва, груши, апельсины и лимоны. В конце обеда он пригласил Маргарет в библиотеку, «посмотреть на другие чудеса Камбре», как он выразился. Неутомимый в своем любопытстве Молине попросился пойти с ними, что не вызвало большого восторга у епископа, однако он не возражал.

– У нас в библиотеке хранится удивительный документ, думаю, он будет вам интересен. Это так называемая Ирландская гомилия, относящаяся к VII веку. Гомилия, – добавил епископ в ответ на недоумение во взгляде юной герцогини, – это древнейшая форма проповеди, содержащая толкование Священного Писания. Она уникальна еще и тем, что написана на староирландском, языке, вышедшем из употребления. Таких документов почти не сохранилось в Европе.

– К тому же, – добавил епископ Камбре, – я хочу познакомить вас с одним из моих секретарей. Он молод, сирота, был пострижен в монахи, боюсь, в основном от нужды и совершенно напрасно. Его больше интересуют знание, науки, книги. Он блестяще знает латынь и древнегреческий, прекрасно пишет. Я взял его для переписки на латинском языке, я собираюсь в Рим, и мне нужен хороший секретарь.

Молине незаметно подмигнул Маргарет.

– К тому же он откровенно пропадал в том августинском монастыре, где я его обнаружил. Все ему там было чуждо, кроме библиотеки, где он и проводил все время, вызывая недовольство братии. Его зовут брат Гергард, но он, чудак, невзлюбил свое имя. Он был незаконнорожденный, но любимый сын своих покойных родителей, Гергард означает «желанный». Поиграв с переводами на латынь и греческий, он получил свое нынешнее имя – Дезидариус Эразмус, или Дезидарий Эразм из Роттердама (он родился в городке Гауда, пригороде Роттердама). Исключительно интересный

человек! Я далеко не во всем разделяю его взгляды, но разговор с ним всегда приятен.

Библиотеки всегда вызывали у Маргарет особое чувство: ряды темных томов, особый запах, полумрак – все это создавало ощущение уюта и защищенности. Библиотека епархии Камбре впечатляла своим размером: помещение с высоким потолком, отдаленно напоминавшее церковное, вдоль стен большие стеллажи, заставленные огромными фолиантами. Несколько столов, на них были разложены тома, с которыми работали в настоящий момент, удобные кресла, лестницы для подъема на стеллажи – вот и вся мебель. На улице уже было темно, но в комнате достаточно светло: горели факелы в стене, на большом столе, к которому епископ подвел гостей, были зажжены свечи. Из полумрака вынырнула фигура монаха в черно-белом одеянии. Епископ представил его. Маргарет внимательно посмотрела на молодого секретаря: бледное лицо, тонкие губы, острый нос, глаза опущены, видно было, что ему неловко в обществе столь высоких гостей, а главное, они мешают его работе и вообще жизни. Сквозь застенчивость сквозило легкое раздражение.

Ирландская гомилия не произвела большого впечатления на герцогиню. Молине заинтересовался ею больше и забросал вопросами аббата де Бергена. Маргарет и епископ разговаривались с Эразмусом. Епископу явно не терпелось навести его на какие-нибудь рассуждения, чтобы продемонстрировать герцогине свое очередное «чудо», Маргарет это бы-

ло хорошо заметно. Понимал это и Эразм и потому, видимо, уходил от разговора и отмалчивался.

От обсуждения древнеирландского перешли к обсуждению темы изучения языков. Епископ поинтересовался, знает ли Маргарет фламандский язык, в ее свободном владении латынью он убедился, когда они рассматривали манускрипт, часть текстов которого была на этом языке. Маргарет призналась, что нет, в Амбуазе ее было обучать некому, а за тот месяц, что она провела в Мелене в обществе Молине и Жанны де Альвен, она успела выучить лишь несколько пословиц и названия тех цветов, что росли в саду замка.

– Я не хочу давать вам непрошенные советы, но поверьте моему опыту и политическому чутью, вам надо будет заняться фламандским. Знание родного языка – это ключ к сердцу подданных. В наших землях это имеет особое значение. Издревле здесь царит смешение языков. «И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого».

– Не знаю уж, за какие грехи, но Господь создал Новый Вавилон в нижних землях. Ведь помимо французского и фламандского, есть и много других, иногда соседние деревни плохо понимают друг друга. Посудите сами: есть еще и валлонский, пикардийский, шампанский, лотарингский, фламандский делится на восточный и западный, брабантский,

лимбургский, голландский, ну не говоря уже о немецком.

– Ваши предки весьма благоразумно говорили на двух языках со своим народом, – подтвердил аббат ван Берген, оторвавшийся от изучения манускрипта. – Иногда бывало, что во время торжественного въезда в тот или иной город, вы знаете, у нас тут на севере очень сильна традиция того, что называют «Радостный въезд», герцог произносил одну и ту же речь дважды – на французском и фламандском. Этим он оказывал уважение своему разноязычному народу.

– Невидимая и на первый взгляд незаметная борьба идет постоянно, – продолжил епископ, – у всех у нас есть два варианта имени: вот я, например, одинаково отзываюсь и на имя Анри де Берг, и на Хендрик ван Берген, коим я родился. Правда, отмечу, что это относится только к фламандским именам; те, кому посчастливилось родиться с франкоязычным, сохраняют его на всю жизнь.

– Знание языков крайне важно. Вспомните новозаветное сказание о том, что когда, с целью распространения Слова Господнего, потребовалось устранить препятствие, представляемое разноязычием для проповеди различным народам, то апостолам дан был дар языков, то есть восстановлена была некогда отнятая у людей способность понимать общечеловеческий язык. «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И испол-

нились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать».

– А я люблю и продолжение, – не удержался Молине, – после этого чуда присутствовавшие при этом иудеи, «из всякого народа под небом», пришли в смятение, ибо каждый слышал апостолов, говорящих его наречием. Все удивлялись и не могли понять, как возможно такое, чтобы они говорили на всех языках сразу. «А иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина». Заметьте, как тонко подмечено: напившись вина, люди начинают понимать чужие языки. Ответ Петра тоже замечателен: «Они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня». Видимо, в Древней Иудее это было препятствием? Я однажды сочинил рондо...

Маргарет испугалась. Она посмотрела на епископа, и ей показалось, что он сейчас скажет что-то резкое. Аббат де Берген усмехнулся, видно было, что Молине его развлекает, но епископ потемнел лицом. И тут наконец-то раздался голос Эразма:

– Человек наделен великими благами, но мало их ценит. Так повелось издревле. В золотом веке человеческий род, не вооруженный никакими науками, жил, следуя указаниям одной природы. Какая, в самом деле, была нужда в грамматике, когда у всех был один общий язык и искусство речи служило лишь для того, чтобы люди понимали друг друга? Какую пользу могла принести диалектика, когда не существовало несходных мнений? Есть ли место риторике там, где никто

не доставляет соседу никаких хлопот? К чему знание законов при отсутствии дурных нравов, от которых – в том нет сомнения – родились хорошие законы? Далее, древние люди были слишком богобоязненны, чтобы испытывать с нечестивым любопытством тайны природы, исчислять величину, движения и влияния небесных тел, пытаться проникнуть в сокровенные причины вещей; они сочли бы кощунством желание смертного человека сделаться мудрее, нежели то предопределено его жребием. А безумная мысль исследовать то, что находится за пределами небес, никому и в голову не приходила. Но по мере того, как первобытная невинность золотого века начала клониться к упадку, злые гении изобрели науки и искусства, впрочем, на первых порах весьма немногочисленные и усвоенные лишь немногими. Впоследствии суеверие халдеев и праздное легкомыслие греков присоветовали сюда множество новых орудий умственной пытки, и теперь одной грамматики за глаза хватит, чтобы обратить в сплошное мученье всю жизнь человека.

– Вы считаете науки наказанием Божиим? А знание языка? – Глаза епископа довольно заблестели, гроза миновала, его подопечный демонстрировал гостям свой необычный ум и рассудительность, чего он и добивался. – Разноязычие, согласно библейскому воззрению, есть наказание Божие, наложенное на людей с целью затруднить сношения их между собою, так как, в силу греховной склонности сердца человеческого, подобными сношениями люди по преимуществу

пользуются ко злу. Но Господь даровал человеку Разум, чтобы преодолеть это препятствие в случае необходимости.

– Разум присущ всем людям в отличие от иных существ. А кроме того, людям дан язык – лучший посредник для установления дружбы и согласия. Язык позволяет людям установить дружбу, согласие и взаимную любовь, потому что среди всех людей посеяны семена знаний и добродетелей, все люди наделены разумом, кротким и настроенным делать добро ближним, за исключением тех случаев, когда человек, охваченный похотью или преступными мыслями, словно опоенный зельем Цирцеи, превращается в зверя. Именно поэтому в народе принято называть человеческим все то, что служит признаком благожелательного отношения людей друг к другу. Таким образом слово «человечный» обозначает нравственные, а не физические свойства человеческой природы. Всевозможными способами и путями природа учит людей согласию.

– Значит, вы признаете, что знание языка приводит-таки к взаимопониманию и установлению взаимного согласия.

– Увы, не только язык является препятствием, но и личное тщеславие каждого народа. У каждого из них есть свой повод для самолюбования. Британцы заявляют исключительные притязания на телесную красоту, музыкальное искусство и хороший стол. Шотландцы тешатся своим благородством и родством с королями, а также тонкостью ума. Французы только себе приписывают приятную обходительность.

Парижане уверены, будто они превыше всех стоят в науке богословия. Итальянцы присвоили себе первенство в изящной литературе и красноречии, а посему пребывают в таком сладостном обольщении, что из всех смертных единственно лишь себя не почитают варварами. Этой блаженной мыслью более всех проникнуты римляне, которым доселе снятся приятные сны о Древнем Риме. Венецианцы счастливы сознанием своего знатного происхождения. Греки мнят себя творцами всех наук и приписывают себе достохвальные деяния древних героев. Турки, это скопище настоящих варваров, притязают на обладание единственно истинной религией и смеются над суеверием христиан. Но куда слаще самообольщение иудеев, которые доселе упорно ждут своего Мессию и цепко держатся за Моисея. Испанцы никому не согласны уступить в том, что касается воинской славы. Немцы бахвалятся высоким ростом и знанием магии.

На следующий день Маргарет со свитой задержалась с отъездом. Утром они все посетили мессу, удивительное сладкоголосое пение знаменитого хора собора Камбре проникло в самую душу герцогини. Потом гостеприимный хозяин настоял на обеде, который затянулся дольше, чем планировалось. Накануне ученая беседа продолжалась не менее двух часов, за обедом ее продолжили, но уже без Эразма. Молине был в восторге от молодого человека и его риторики. Резкие, категоричные высказывания доставили ему большое удовольствие. Сама Маргарет была настроена несколько бо-

лее прохладно. Она понимала, что молодой человек позерствовал в пику собравшимся поглазеть на него. Все это собрание высокопоставленных людей явно не вызывало у него симпатии. В нем чувствовался бунтарский дух, возможно, вызванный молодостью и неопределенностью положения. Но и Маргарет была молода, смесь неуверенности в себе с ощущением превосходства не вызывала у нее сочувствия.

Выехали поздно, но Маргарет не волновалась. Июнь, темнело поздно, а до городка Бушен, где была намечена короткая промежуточная ночевка, было всего часа четыре езды. местность становилась все более болотистой и плоской. Наконец путники достигли владений герцога Бургундского. Маргарет попросила остановить карету и вышла. Перед нею журчал небольшой ручей, разделявший королевские и герцогские владения, была видна ветряная мельница. Девушка уже знала из рассказов Молине и Жанны, что в нижних землях много ветряных мельниц и используют их не столько для помола зерна, как во Франции, где, впрочем, эту функцию выполняли водяные мельницы, а для отвода излишков воды в каналы. Борьба с водой занимала важную часть здешней жизни, причем чем севернее и ближе к Голландии и Зеландии, тем эта борьба яростнее. Природа вообще, казалось, не была слишком благосклонна к этим землям. Может быть, от этого люди здесь были изобретательны и выносливы.

Вся эта довольно унылая картина – болота, местами островки невысоких кустарников, плоская земля, еще и пого-

да испортилась и набежали тучи, грозившие излиться дождем, – почему-то вызвала у Маргарет чувство глубокого умиления. «Дома, я дома», – думала она, вдыхая прохладный влажный воздух. У нее никогда не было дома, так же как и матери, отца, родных. Ей нравилось обретать все то, что есть у нормальных людей. Маргарет не хотелось возвращаться в карету, не хотелось ехать дальше, навстречу неведомой жизни, она уже была дома, и этого было достаточно. Покой и радость были в ее душе. Но надо было торопиться, темнота не лучший спутник усталых путешественников, а сумерки сгущались.

Герцогиня вернулась в карету, и кавалькада вновь тронулась в путь. Молине, подсевший на остановке к Маргарет, начал рассказ о недавних событиях, когда здешние земли сотрясали военные действия. Неожиданно послышался шум, карета остановилась, один из всадников, сопровождающих путешественников, показался в окне и попросил герцогиню и находившихся с нею дам не выходить наружу. Ничего не понимая и думая, что речь идет о каком-то очередном приветствии, устроенном местными жителями, Маргарет стала смотреть в окно кареты. Она увидела странное зрелище: вооруженный отряд напал на ее охрану. Группа была довольно значительной и превосходила по числу ее защитников. Нападавшие были вооружены длинными копьями, с которыми они управлялись довольно ловко.

Но больше всего Маргарет поразило их одеяние. Каза-

лось, что идет не сражение, а шутовское представление, в котором буффоны нападают на рыцарей. На голове у разбойников, а кто еще это мог быть, были нелепые шляпы с огромными полями, еще и украшенные пышными страусиными перьями. Камзолы были разрезаны на груди, спине и рукавах, и из разрезов торчали куски ткани разных цветов. Рукава и штаны были раздуты и имели форму шутовских шаров-буффов. Было очевидно, что для поддержания округлой формы они набиты чем-то изнутри. Но самым кричащим были цвета – рукава, штанины, буфы, торчащая из разрезов ткань, все это было самых разных ярких цветов. Наверное, в их сочетании была какая-то система, но на первый взгляд она была незаметна. Создавалось впечатление пестрой нелепой толпы. Еще и огромной, девушке показалось, что все пространство вокруг заполнено ими.

При виде этого зрелища Молине, схватившись за меч, выскочил из кареты. Жанна успокаивающе взяла ошеломленную Маргарет за руку.

– Не бойтесь, – сказала она успокаивающе, – вам ничего не грозит. Король не зря дал вам в свиту лучших воинов.

Маргарет молчала. Она не чувствовала страха. Только потрясение и опустошенность. Не считая главного события ее жизни, измены короля, все остальные ее беды сводились к смешным мелочам. Она поняла, что прожила свою жизнь в золотой клетке, из которой, конечно, она не могла вырваться, но в которой и ей ничего не грозило. Она не могла ото-

рваться от окна, видела, как падали сраженные разбойники, упал и один из ее конников, потом другой. Она впервые видела, как люди убивали друг друга. Умирали на ее глазах, защищая ее жизнь! Было от чего онеметь.

Казалось, сражение продолжалось бесконечно. Потом стало видно, что конные рыцари теснят пеших разбойников, в конце концов, те собрались и побежали. Преследовать их не стали.

Молине, разгоряченный событиями, вернулся к Маргарет. Она не видела, участвовал ли он в сражении, но настрой у него был самый воинственный.

– Это ландскнехты, приятели вашего отца, – проговорил он возбужденно. – Их сейчас много шатается по этим землям, зарабатывая грабежами.

Маргарет вспомнила про фамильные драгоценности, которые они везли с собой. Ужасно было бы их потерять, это ведь наследство от ее матери.

– Но в данном случае, думаю, у них были более далеко идущие планы. Все знают, что ваш отец хорошо берет в долг, но плохо платит. Простите за дерзость, но его можно было бы назвать «должником всея Европы». Во всяком случае, в нижних землях мало кто остался обойденным его вниманием. Эти воины – его открытие и в каком-то смысле изобретение.

Молине устроился в карете, и они тронулись в путь. Оставалось еще не менее часа, а было совсем темно. Оказалось,

что в свите герцогини убитых нет, четыре всадника были ранены, да и то не слишком сильно. Что касается противника, то они забрали с собой тех, кто упал на поле брани, так что их потери остались неизвестными. Молине успокоился и продолжил разговор:

– Эта ландскнехты – наемники, набранные вашим отцом в основном среди жителей Южной Баварии. Они из самых разных слоев общества, в том числе из низов. Это его ответ швейцарским наемникам, которые заключили когда-то договор с Людовиком XI и с тех пор исправно воюют на стороне французов. Именно они погубили вашего великого деда, а не этот жалкий герцог Лотарингский, внук Рене Доброго, вешающий плащ по ветру, приспособливающийся к сиюминутной ситуации и с легкостью меняющий своих союзников. Сейчас, по слухам, он собрался с королем Карлом в Италию. Туда ему и дорога! Слепой поведет слепого, и оба окажутся в яме.

– Почему у них такой нелепый вид? – Маргарет пришла в себя, хотя и чувствовала слабость.

– О, это тоже заслуга вашего отца Максимилиана. Он освободил их от всех законов, регулирующих ношение одежды. И даже объяснил это, заявив: «Их жизнь настолько коротка и безрадостна, что великолепная одежда – одно из их немногих удовольствий. Я не собираюсь отбирать его у них». Вот они и развлекаются, придумывая самые нелепые одежды. Кое-кому из любителей новизны даже нравятся эти неле-

тые разрезы и круглые буфы на ногах и рукавах, не удивлюсь, если это войдет в моду. Однако, несмотря на нелепость их одеяния, они весьма эффективны и прекрасно воюют. Они прекрасно организованы, поддерживают дисциплину жесточайшими мерами (грабеж и мародерство не входят в число их провинностей). К тому же их можно набрать любое количество, только плати им деньги. И вот тут мы подходим, я думаю, к причине их нападения на вашу светлость. Максимилиан наверняка задолжал им, и они надеялись, захватив вас, вытребовать с него то, что им причитается.

– Сначала швейцарцы, без стыда и совести, теперь эти буффоны. Что будет с великим искусством войны? – Мадам де Альвен пожала плечами.

– С ним ничего не станется, – отозвался Молине. – Разве вы все не видите, что пришли новые времена, и они требуют обновления во всем, в том числе и в военном деле. Вот уже почти столетие в сражениях используют огнестрельное оружие. Причем все больше и активнее. Оно незаменимо при осаде крепостей, а рыцари в своих доспехах являются отличной и беспомощной мишенью. Эти же воины более подвижны, маневренны, эффективны. Они все еще хранят верность своим пикам, но, думаю, легко будут использовать и другие, новые виды оружия. Они беспринципны, а в этом сейчас огромная нужда.

Маргарет подумала, что если она когда-нибудь станет правительницей, она будет придерживаться старого, традицион-

ного, благородного и красивого. Разговоры о переменах и наступлении нового времени вызывали у нее раздражение. Наверное, так говорят все старики. Еще бы! Для них и правда наступили «новые времена»: немощности, болезней, слабости.

Наконец показался Бушен. Маргарет подумала, что он маленькая копия Камбре: укрепленные стены, башни, все указывало на то, что городок этот издавна был военным укреплением. В нем находился и небольшой гарнизон. Окружала его вода – в этом месте Шельда-Эско сливалась с небольшой рекой Сенсе. Молине объяснил, что здесь находятся дамбы, имеющие важнейшее значение, в том числе и стратегическое, для региона, разливы рек здесь очень сильны, и укрепление дамб является основным занятием местных жителей вот уже несколько столетий.

Маргарет со свитой разместили в верхней, укрепленной части города, нижняя находилась на другой стороне реки, в болотистой равнине, в башне л'Остреван, являвшейся главным украшением города. Маргарет было не до достопримечательностей. Она была рада оказаться в безопасности и тепле.

Городские власти и командование гарнизона из кожи вон лезли, стараясь устроить всех как можно лучше, организовали прекрасный ужин. Но у Маргарет не было аппетита, хотя, стараясь никого не обидеть, она все похвалила и даже что-то съела, хотя и с трудом. Ей подтвердили, что нападения

ландскнехтов сейчас – дело обычное, многие остались без средств к существованию, а ведь с ними в чужие края отправляется многочисленный обоз: женщины – матери, жены, сестры, ну и другие тоже, для «всяких нужд», торговцы, ремесленники, занимающиеся их вооружением. Словом, всех надо кормить, а нечем.

Глава 2. Юность Марии

Маргарет рано отправилась спать. «Вот я и дома! – подумала она. – Хорошо же он меня встречает. Смешно было думать, что здесь будет вечный праздник, жизнь в любви, покое и согласии». Почему-то в последнее время все это именно так и представлялось юной герцогине. Возможно, это было навеяно рассказами о Бургундии и ее предках, в которых преобладали роскошь и пиры. Да и надолго ли она здесь? Почему она решила, что обретает дом и покой? Маргарет уже достаточно хорошо разбиралась в политике, чтобы знать, что первое, чем займутся ее родные, – это поисками жениха для нее. Возможно, он уже найден. Как там сказал этот страшный де Брисоне: «В Европе еще много королей». Вот уж воистину. Куда ей придется отправляться в следующий раз?

Маргарет почувствовала, что ей холодно и неудобно. В темноте ей послышались шорохи, скрип и какие-то шаги. Незнакомая комната с высоким потолком показалась страшной. И что это там, в углу? Она промучилась еще какое-то время, а потом решила и разбудила мадам де Альвен, которая спала с ней в одном помещении. Та проснулась легко и быстро, как это свойственно пожилым людям. Позвала служанок, затопили камин, принесли факелы и свечи. Маргарет устроилась в кресле, ее укутали покрывалом, Жанна рядом с ней. Появилось сладкое теплое вино и теплое пиво,

обильно приправленное специями. Это оказалось любимым напитком дамы де Коммин, что выяснилось только на родине, до этого она этот факт замалчивала.

– Вы переволновались, ваша светлость, ничего страшного, отдохнете, и все пройдет. Конечно, вы ведь очень молоды, а на вас столько всего свалилось. Сначала тяжелое бремя королевского звания, потом его потеря и предательство, долгая дорога, неизвестность впереди, а тут еще эти глупые голодные шуты, чтоб им было пусто! Они и правда много сделали для вашего отца и для сохранения наших земель, так что и проклинать-то их негоже. Других-то защитников почти не осталось.

– Жанна. – Пожилая дама уже давно попросила, чтобы Маргарет звала ее по имени. – Вы что-нибудь знаете о моем будущем? Что меня ожидает?

– Дитя мое. – И Жанна позволяла себе вольности, пользуясь положением старой воспитательницы ее матери. – Разное обсуждали. Конечно, вам подбирают достойного жениха. Думаю, долго ждать не придется. Но, простите меня, не мне вам об этом рассказывать. Я слишком долго была при дворе, чтобы не выучить некоторых правил. Одно из них – не вмешиваться не в свое дело. Думаю, ваша бабушка, отец и брат, которые занимаются сейчас этим вопросом, предпочтут сами поговорить с вами.

– Это вы меня простите, Жанна, я совсем потеряла голову и задаю ненужные вопросы. Все хорошо. Я была слишком

радужно настроена, надо вернуться на землю. Только спать мне совсем не хочется. У нас так мало было возможности поговорить с вами.

– Да уж, если рядом наш поэт, то рта никому открыть не удастся. Слова – это его хлеб, не станешь же у него его отбирать.

– Я давно хотела расспросить вас о матери. Мадам де Равенштейн рассказала о своем отце Филиппе, Изабелле, моей прабабушке, Карле, моем деде, но остановилась на рождении моей матери. Де Коммин и Молине много говорили о Бургундии и моих предках. У меня есть поэма Молине на смерть Марии. Но я все еще ее не представляю, какая она была, что любила. И как жила? Чем ближе мы к современным событиям, тем неохотнее все делятся своими знаниями. Вы ее воспитательница, кому, как не вам, Жанна, знать ее.

Мадам де Альвен помолчала. Она отхлебнула своего пива, помешала огонь в камине, он осветил ее старое, по-фламандски тяжелое лицо, с крупными чертами, но добрым выражением.

– Понимаете, моя дорогая герцогиня, мы ничего не скрываем, нам-то особенно нечего скрывать, мы и сами далеко не во всем разобрались. Но смерть вашей матери во цвете лет была таким ударом для нас, причем двойным, мы потеряли и нашу дорогую девочку, и наш прекрасный мир, давайте смотреть правде в глаза, он окончательно рухнул с ее смертью. Гибель ее отца, тоже внезапная, сильно его расшатала,

но он устоял, во многом благодаря ей. С уходом Марии, боюсь, закончилась та Бургундия, которую мы знали, которую любили и которой служили. Вот поэтому нам очень трудно говорить о вашей матери, рана еще свежа, это вам сейчас в вашем юном возрасте кажется, что десять лет – это вечность, а у меня чувство, что это случилось вчера.

Маргарет молчала и ждала. Она согрелась, успокоилась, но сна не было ни в одном глазу. Она видела, что Жанна настраивается на рассказ, собирается с мыслями и воспоминаниями.

– С чего же начать? Говорите, вам рассказывала о детстве Марии мадам де Равенштейн? Замечательная дама! Немного заносчивая, гордится своей герцогской кровью. Не хочется злорадствовать, но герцог Филипп многим в наших краях дал повод для гордости. Конечно, не все так высоко поднялись, но многие, он никого из своих прижитых на стороне детей не обидел. К тому же у герцога был благородный вкус: он выбирал себе дам из приличного общества, так что все его дети и правда благородного происхождения. Я была главной воспитательницей Марии, а Анна была приставлена для образования и обучения. На самом деле мы просто обе практически все время неотлучно находились при ней и – слава богу! – уживались друг с другом.

Своих детей Господь Анне не дал, вот она и перенесла всю свою нерастраченную любовь на племянницу. Впрочем, вам, наверное, уже не раз рассказывали, что у Марии была стран-

ная судьба – ее любили. Бесплезно искать причину, не все подвластно нашему разуму. Может быть, это была последняя любовь Бургундии? Может, какие-нибудь чары, вокруг нее происходило много странных вещей. Не знаю, но это факт.

Мадам де Равенштейн, как и я, всю свою жизнь провела при дворе и только сейчас стала все чаще удаляться в свой замок, печально знаменитый Вейнендале, недалеко от Брюгге. Когда-то в начале века герцог Бургундии Жан Бесстрашный отдал его герцогу Клевскому в качестве приданого за свою дочь, на которой тот женился. А позже он перешел к младшему сыну герцога Клевского Адольфу, лорду Равенштейну. Красивое место, хорошие охотничьи угодья, но для меня оно навеки связано со случившейся трагедией.

Всю свою жизнь мадам де Равенштейн любила Лодвига де Грютюза. Это все знали. Так случается. А ее сначала выдали замуж за этого зануду Адриана ван Борсея, из тех, кто все время критикует существующие порядки, а сам при этом успеваеет набивать свои карманы. Потом же, после того как она овдовела, ее пристроили за вдовца Адольфа де Равенштейна. Не знаю, была ли она с ним счастлива, но я уважаю его. Может быть, он не столь интеллектуален и образован, как де Грютюз, не так хорошо разбирается в искусстве и литературе, но он был мудр, спокоен и надежен. И он остался верен вашему дому до последнего дня. Хотя это и было непросто.

Я знаю, что вы встречались с моим кузеном Филиппом де

Коммином. Его не слишком жалуяют в наших землях. Беда в том, что он не просто предал герцога Карла, таких было немало, но он, самый близкий и доверенный советник, предал в тот момент, когда удача стала отворачиваться от его господина. Такого не прощают. Вот Филипп де Круа: он сбежал вместе со всеми де Круа, когда, как они утверждали, над их жизнью нависла угроза, к тому же Карл их не выносил. Но Филипп вернулся к битве при Нанси, когда Карл уже был обречен. Он участвовал рядом с ним в последней битве, был взят в плен, освобожден, вернулся ко двору Марии, наследницы Карла, и с тех пор больше не покидал его.

Так вот, как бы там ни было, я считаю своего кузена незаурядным человеком, умным и проницательным. Он сейчас пишет мемуары, и мы с ним несколько раз переписывались. В одном я с ним не согласна: он считает, что те, кто остался в то ужасное время рядом с вашей матерью, имели виды на какие-то выгоды и привилегии. Конечно, когда служишь при дворе, все это важно, но все-таки есть и такие понятия, как порядочность и преданность. И они проявляются в минуты кризисов.

Адольф де Равенштейн многое получил и от Филиппа, и от Карла, и от Марии, и даже в нынешнее сложное правление. Но, повторюсь, он был из тех, кто остался предан вашему дому. Да, в общем-то, и Грютюз. Не говоря уже об Анне де Равенштейн. Так они втроем и были опорой его, не единственной, но мощной. А ведь было непросто: захват земель,

войны, восстания жителей, отсутствие средств, в конце концов, просто угроза жизни. Многие не снесли головы в это смутное время, которым было ознаменовано начало правления вашей матери. К тому же были трудности и морального характера: не все могли принять и ужиться с вашим отцом. Он был другим. Одно дело – ваша мать, наследница бургундской крови. Другое дело – немец, юнец, к тому же заносчивый, которого многие считали проходимцем, и может быть, не без оснований. Он – другой. Он мог легко нарушить слово, обмануть, схитрить. А главное – он чужак, хотя и пытался подражать столь понравившемуся ему бургундскому стилю.

Подумайте об этих двух стариках, которые не раз сталкивались с новым хозяином, пусть он и был всего лишь регентом при малолетнем сыне. Прожив яркую и достойную жизнь, они к концу ее оказались всего лишь наследием старого правления и не могли не раздражать нового правителя своими взглядами и позициями. Но это еще не все. Сын Адольфа Филипп, который вырос с вашей матерью и безоговорочно принял Максимилиана просто потому, что он был супругом Марии, после ряда конфликтов перешел сначала на сторону восставших фламандцев, а потом и вовсе уехал во Францию, где и пребывает по сей день. Сын же Грютюза Иоганн перебежал к французам почти сразу после смерти Марии. Говорят, сейчас, после смерти отца, он вывозит во Францию его знаменитую библиотеку. Зачем она ему? Он, кажется, в жизни не прочитал ни одной книжки. Но мать его,

Маргерет, весьма бодрая дама, несмотря на почтенный возраст, обожает старшего сына и отдаст ему все что угодно.

Так что старикам пришлось нелегко – здесь, в Бургундии, они постоянно сталкивались с противодействием Максимилиана, их сыновья находились во вражеском лагере, их мир рухнул. Но они держались, хотя де Грютюзу это удавалось меньше, последние годы он был затворником в своем доме. Для него конфликт усугублялся тем, что он был истинным сыном Брюгге, преданным этому городу до глубины души и пользовавшимся безоговорочным доверием его жителей. Брюгге же, как и многие другие города, Максимилиана не приняли. Интересно, что Адольф и Лодвик и умерли почти одновременно – в прошлом году. Незадолго до смерти Адольф де Равенштейн неожиданно сказал мне, что ни к кому не был так привязан, как к герцогине Бургундской.

Когда умерла ее мать, Марии было восемь лет. Пока Изабель была жива, они не расставались. Все герцоги и их двор кочевали из одного своего замка в другой, причем Карл предпочитал жить отдельно, периодически навещая дочь и супругу. Его жизнь была отдана одной, но страстной идее – величию Бургундии. Он видел ее свободной от всякой зависимости от Франции: «Негоже потомку Карла Великого иметь в сюзеренах наследника Гуго Капета», – говаривал он, подчеркивая древность и величие своего происхождения. Себя же он видел независимым монархом и мысленно примерял корону. В его жизни не было места женщинам, во

всяком случае, оно было незначительным.

После смерти жены он стал больше общаться с дочерью, сблизился с нею. Чужие чувства – всегда тайна, но мне кажется, что он любил свою дочь. В каком-то смысле она стала для него живым воплощением Бургундии. Я расскажу вам о женихах вашей матери, их было больше, чем можно представить, Карл ловко использовал перспективу брака со своей единственной наследницей в политических целях. Но многие подозревали, и я в их числе, что если бы он был жив, Мария бы так и не вышла замуж. Ведь к моменту его смерти ей было 20, это уже приличный возраст для невесты, тем более что к этому моменту он перебрал всех женихов Европы. Думаю, он просто не мог расстаться с Марией. Тем более что это означало не только отдать любимую дочь в руки чужому мужчине, но и свою обожаемую Бургундию, ибо муж Марии был потенциальным наследником бургундских земель.

Так получилось, что Мария росла в мужском окружении. Среди ее друзей детства были одни мальчишки. Уже упомянутый мною Филипп, сын Адольфа де Равенштейна, ее ровесник, воспитывался вместе с ней. Он был честный, верный, милый, ее тень, рыцарь, слуга. Он любил ее преданной и неизменной любовью, хотя, конечно, абсолютно безнадежной. И дело было не только в его положении, но и в том, что Мария всегда считала его только другом, любила его, но исключительно сестринской любовью. (Маргарет почему-то подумала о Филиберте.) Он ни на что не рассчитывал, про-

сто всегда был рядом. Он и женился в конце концов только через три года после гибели Марии.

Их ровесник, двоюродный брат Иоганн II, сын Иоганна Клевского, нынешний герцог Клева, также рос при дворе. Вот уж кого я всегда терпеть не могла – шумный, хвастливый, наглый, он с детства интересовался только собой и своими желаниями. Его нельзя было усадить за книгу, он не любил учиться и так особо ничему и не выучился. Конечно, он был прекрасным наездником и обожал охоту, как и Мария, но это, пожалуй, было единственное, что их объединяло. Его отец страшно рассчитывал, что ему удастся породниться с Бургундским домом. При жизни герцога он боялся об этом даже заикнуться, зато после его внезапной смерти проявил редкую активность.

Надо вам сказать, что этот Иоганн, сейчас он все интригует против вашего отца, ищет союзников, чтобы противостоять вашему дому. А ведь отец его, хотя и был человек порывистый, чрезмерно самолюбивый и далеко не такой умный, как его младший брат, Адольф де Равенштейн, все-таки верно служил Бургундии, да и герцогу Филиппу он был родной племянник. А сын его все силы и состояние отца спустил на то, чтобы подражать образу жизни бургундских герцогов. Глупец! Куда ему. В одном только и преуспел, уж простите меня, говорят, у него около семидесяти внебрачных детей, его даже прозвали «делатель детей», так как больше он ни на что не годен.

Кроме двух кузенов Клевских, почти все время рядом с Марией находился Филипп, сын Антуана, Бастарда Бургундского. Ну об Антуане вы не могли не слышать! Это был великий воин, храбрый до отчаянности, сильный, ловкий, победитель многих турниров. Он не раз спасал жизнь своему сводному брату Карлу, которому верно служил. К своему отцу Филиппу он был гораздо ближе, чем законный наследник Карл, и гораздо понятнее отцу. В отличие от Карла он был уравновешенным, дипломатичным, можно сказать, деликатным, хотя это слово и не вяжется с его мужественным обликом. О да, мы все восхищались им! Он пользовался огромным успехом у женщин и многим отвечал взаимностью. Его даже как-то вызвали на заседание Ордена Золотого Руна, членом которого он был, и отругали за легкомысленное поведение в отношении с женщинами.

Он был не только воином, но и дипломатом, не раз отправляясь по поручению своего отца, а потом брата с разными дипломатическими миссиями в Англию, Португалию, Арагон, Сицилию, Неаполь и другие места. Он был дипломатом и в дворцовой жизни: когда Филипп и Карл поссорились, двор распался на две части, а Антуану удавалось соблюдать нейтралитет. С Филиппом вместе он собирал войска в Крестовый поход, с Карлом пытался завоевать Лотарингию. Тем удивительнее был его переход на сторону Людовика XI после поражения в битве при Нанси. Он был взят в плен, выкуплен французским королем и перешел к нему на службу! Думаю,

он решил, что гибель Карла означает и гибель Бургундии. Он много лет носил траур по брату.

Сейчас ему за семьдесят, и он уединенно живет в замке в Бретани на берегу моря. Ах, какой это был рыцарь! Видели бы вы его во время турниров! А он участвовал, кажется, во всех! Должна сказать, что его дважды узаконили в его правах: один раз Папа Римский во время его дипмиссии в 1475 году, потом, десять лет спустя, нынешний король Карл VIII. Но он ни разу не заявлял о своих правах на бургундское наследство! Хотя, думаю, многие бы за ним пошли. Он ведь не Габсбург, а прямой потомок бургундских герцогов, хотя и незаконнорожденный.

А его сын Филипп был одним из спутников детства и юности Марии. Он был постарше, но был в одной компании с остальными. Сейчас он адмирал Нидерландов, на службе вашего брата.

Частенько бывал при дворе и Жак Савойский, еще один безнадежный воздыхатель Марии. Вот уж был человек, которому все время не везло. Я называла его «печальный рыцарь»: он с детства был грустен, как будто предвидел свое будущее. Седьмой сын герцога Людовика Савойского и Анны Лузиньян, он не имел шансов на особое положение. Хотя его братья и сестры занимали видные позиции, уже то, что его сестра Шарлотта, как вы знаете, стала женой короля Франции Людовика XI, дорогого стоило. Он же предпочел присоединиться к герцогу Бургундскому, стал верным дру-

гом и соратником Карла Смелого, хотя в итоге и потерял все свое состояние. Пока он воевал за Карла, его собственные земли, выделенные ему братом, когда тот стал герцогом после смерти отца, захватили швейцарцы, поддерживаемые и подталкиваемые королем Людовиком. К концу жизни он женился на своей родной племяннице, Мари Люксембургской, внучке казненного коннетабля Франции, который все метался между Карлом Смелым и Людовиком. На ее сестре Франциске, кстати, женат Филипп Клевский. У Жака и Мари родилась дочь, вскоре наш печальный рыцарь скончался, а его вдова сразу после его смерти очень удачно вышла замуж за Франсуа де Бурбона, графа Вандома, принца крови, между прочим. Он верный сторонник Анны Бретонской и короля Карла. А их общие владения весьма значительны.

Жак был милым и спокойным, грустным и молчаливым. Как и Филипп Клевский, он был верным рыцарем Марии, тоже зная прекрасно, что у него нет никаких шансов на ее руку. Это было какое-то уже теперь старомодное служение даме сердца. И это было трогательно!

Были в ее «свите» и де Круа, младшее поколение, теперь ставшее старшим. Сыновья Филиппа Круа от его дерзкого брака с Жаклин Люксембургской, дочерью казненного позднее коннетабля Франции, среди которых уже тогда выделялся Вильгельм – решительный, умный, бескомпромиссный. И сын Филиппа Круа-Шиме Карл – вполне достойный юноша. Все они были примерно одного возраста и большую часть

времени проводили в компании Марии. И тот, и другой воевали бок о бок с Максимилианом, а сейчас занимают видные позиции при дворе вашего брата.

Частенько приезжал погостить и Николая Лотарингский, сын и наследник герцога Лотарингии, внук Доброго короля Рене Анжуйского. Мать Николая была родной сестрой Изабель, матери Марии, так что они были кузенами. Бедный мальчик! У него было слишком много честолюбивых и могущественных родственников. У поэта-короля Рене пальцы были во многих пирогах, как выражаются его друзья-враги англичане. Отец Николая, Жан, мечтал о расширении своих владений. Он боролся за корону Неаполя, за королевство Арагон, в итоге, если верить слухам, его отравили в Барселоне. Николая сначала объявили женихом вашей хорошей знакомой Анны де Боже, а потом его отец все-таки решил сделать ставку на Карла Смелого, помолвка с Анной была расторгнута (мне кажется, это ее сильно ранило), а Николая стали считать женихом Марии Бургундской. Правда, недолго. Вскоре он умер, и его смерть слишком уж многим пришлась ко времени. Слухи об отравлении были неизбежны.

Во всей этой политической сумятице Николая было трудно выживать. Он был вялым, апатичным, хотя и симпатичным юношей. При бургундском дворе, в обществе Марии и ее спутников, он явно отдыхал от тягот своей домашней жизни. О его чувствах сказать ничего не могу, мне кажется, главным из них было желание, чтобы его оставили в покое.

Таков был круг друзей и соратников Марии в ее детстве и юности. После смерти матери она большую часть времени проводила в герцогском дворце в Брюсселе, в том самом, где родилась. Иногда ее вызывал к себе отец или навещал сам, иногда она ездила к бабушке Изабелле, которая последние годы почти постоянно жила в уединении в своем замке Ла-Мотт-о-Буа. Надо сказать, что ваша мать нигде так и не побывала, кроме Нидерландов. Она так и не увидела ту Бургундию, которая бургундская. Но эти земли она любила всей душой. Гент, Брюгге, Брюссель, Мехелен, на французский лад – Малине, с ними связана ее жизнь.

При ней почти безотлучно находились и я, и Анна Бургундская-Равенштейн, и значительная свита, которая была ей предоставлена. В ее распоряжении был прекрасный парк с примыкавшими к нему охотничьими угодьями, библиотека, без преувеличения лучшая в Европе, музыканты и певчие, Мария любила музыку и неплохо сама играла. Ко всему этому прилагался целый штат поваров, конюхов, псарей, сокольников, белошвеек, меховщиков, сапожников, смотрителей гардероба, священнослужителей разных званий, лекарей, фармацевтов. Всех и не перечислишь. Двор герцогов Бургундских был очень строго регламентирован, существовала четкая иерархия, утвержденная герцогом. Дворы супругов и наследников были отражением общей системы, только в меньшем размере. Этот «меньший размер» достигал в то время 150–200 человек.

Если не было особых событий или визитов, то день ее протекал более или менее одинаково. Случались крупные события – знаменитая, прошумевшая на всю Европу свадьба Карла Смелого, бунт в Генте, когда они устраивали «радостный въезд», смерть бабушки Изабеллы. Но вплоть до трагических событий 1477 года, то есть до ее двадцатилетия, все шло более или менее привычным чередом. Проснувшись рано утром, Мария отправлялась в часовню на раннюю мессу. После нее для всех накрывали завтрак – жареную птицу, холодное мясо, хлеб, фрукты, сладости, вино. Моя госпожа обычно ела очень мало, как птичка. Потом утро посвящалось занятиям, которые предусмотрел ее отец, а контролировала мадам де Равенштейн. После этого Мария вышивала, читала, занималась музыкой. Потом следовал обед в компании друзей, еды было в изобилии. После него музыка, танцы, игры в шахматы. Приходили менестрели, жонглеры, шуты. В то время еще соблюдали послеобеденный сон, та что после обеденных развлечений все отправлялись отдыхать. Потом – охота, любимая всеми. Часто она завершалась пикником, пением и уж непременно беседами. Дома следовал ужин, снова танцы, игры на воздухе, например, в мяч, зимой – катание на коньках на пруду в парке, вино и сладости перед отходом ко сну. Компаньонов Марии я вам уже назвала. Иногда кто-то из них отбывал по требованию родных, иногда гости присоединялись к обществу, но в целом жизнь шла привычным чередом.

Я уже сказала вам, что у вашей матери было множество женихов. Ее называли при монарших дворах Европы Мария Богатая, никто не мог сравниться с ней в богатстве: она была единственная наследница владений своего отца, соперничать с которыми могли только две державы – Франция и Римская империя. Да и те в то время были еще более эфемерны, чем бургундские владения. Неудивительно, что на руку Марии было множество претендентов самого высокого ранга. А Карл умело манипулировал этой ситуацией. Как я уже сказала, подозреваю, что все это была игра с его стороны, может быть, он даже сам в нее верил, но мы, близко знавшие его и его дочь, очень сомневались, что он найдет претендента, достойного руки его Марии и обладания его Бургундией.

Среди тех, кто в разное время считался женихом или рассматривался как серьезная кандидатура в мужа вашей матери, были все значащие фигуры эпохи. Многих, точнее их потомков, вы отлично знаете. Среди них был уже упомянутый Николя Лотарингский, обладание землями Лотарингии было заветной мечтой Карла, на ней он и сложил буйну голову, это позволило бы объединить его земли в единое целое и создать некое подобие державы Лотаря. Намерения были серьезные, Мария написала письмо Николя, в котором обещала, что никогда не отдаст свою руку никому другому (надо ли говорить, что письмо было продиктовано Карлом, девочке в ту пору было чуть больше десяти лет). Потом был разрыв и снова восстановление матримониальных планов, когда

Николя стал герцогом после смерти отца. В конце концов его удалось расшевелить, и он даже обиделся, хотя и понимал прекрасно, что Мария тут ни при чем. Только его ранняя кончина остановила эту затянувшуюся игру. Марии в ту пору исполнилось шестнадцать.

Фердинанд Арагонский рассматривался как один из серьезных кандидатов, причем был одним из первых, – предложение поступило от его отца, когда девочке было пять лет. Думаю, его брак с королевой Изабеллой был predetermined свыше, судя по тем результатам, которые он принес. Во всяком случае, ему скоро отказали. Франциск II Бретонский, отец нынешней королевы Франции Анны, в короткий период своего вдовства тоже поучаствовал в этой гонке. Так же как и Филиберт, герцог Савойский, кузен вашего приятеля. Он, бедняжка, скончался в тот же год, что и ваша мать, не оставив наследников, он был совсем юным.

Джордж Плантагенет, герцог Кларенс, брат двух английских королей Эдуарда IV и Ричарда III и вашей бабушки Маргариты, также рассматривался вполне серьезно как возможный жених. Укрепление отношений с Англией было важной задачей для Карла, он надеялся на серьезную военную помощь против общего врага – короля Франции. Этот Джордж закончил свой путь весьма бесславно – стал строить заговоры против собственного брата, который и так с трудом удерживал корону, был разоблачен и казнен. У нас тут рассказывали странную историю, что ему, как брату короля,

предложили выбрать способ казни. И он вроде бы предпочел быть утопленным в бочке с мальвазией, говорят, выпить он любил и хотел доставить себе последнее удовольствие в жизни. Думаю, это чепуха, хотя все англичане – пьяницы!

Фердинанд I, отец Федерико, нынешнего короля Неаполя, того, что в свою очередь является отцом вашей подруги Карлотты, долгое время полагал, что сможет ухватить этот лакомый кусочек для своего сына. А Карл его не разубеждал. Посланники сновали между северными землями герцога Бургундского и крайним южным королевством Европы. Антуан, бастард Бургундский, во главе пышной делегации отправился к Фердинанду, с собой он вез орден Золотого Руна, в члены которого этот могущественный правитель Неаполя был принят, и планы возможного союза между правителями. Были пышные торжества и турниры. Карл Смелый в подтверждение серьезности своих намерений даже отправил в Неаполь двух своих придворных, чтобы они обучали Федерико французскому языку. Это ему, наверное, пригодилось, когда он жил при дворе Людовика XI со своей женой Анной Савойской, близкой родственницей короля.

Наследники французского престола тоже не остались в стороне. Долгое время на руку вашей матушки претендовал Карл, герцог Гиеньский, родной брат Людовика и любимый сын их общего отца Карла VII. Принимая во внимание тот факт, что у Людовика долгое время не было наследников мужского пола, Карл был реальным претендентом на пре-

стол. Вся свою жизнь он интриговал против своего брата, входил во всевозможные заговоры и делал особую ставку на герцога Бургундского как главного недруга Людовика. Он был весьма требовательным, и ваш дед с трудом лавировал в его интригах. Преждевременная смерть этого энергичного принца, весьма подозрительная, положила конец сватовству.

Когда же у Людовика родился, наконец, наследник, Карл, ныне царствующий, он еще в колыбели немедленно стал новым женихом вашей матери. Разница в возрасте короля Франции не смущала. Карл Смелый решительно отвергал подобные планы, хотя в рядах его сподвижников были те, кто их тайно поддерживал. После же гибели герцога Карла они стали реальной угрозой.

Ну и, наконец, возможность брака с вашим отцом Максимилианом, сыном императора Священной Римской империи, эрцгерцога Австрийского, была крайне интересна Карлу Смелому. Дело в том, что одним из его заветных желаний было получить монарший титул и корону, и он надеялся на то, что Фридрих III поможет ему в этом. И получит за это руку дочери герцога для своего сына. Переговоры о возможности этого брака велись с 1463 года. Было письмо Марии, к которому прилагалось кольцо с бриллиантом как знак состоявшейся помолвки. Решающая встреча состоялась в немецком городе Трире десять лет спустя. О, Европа надолго запомнила и это представление. Карл Смелый явился с роскошной свитой: с ним прибыл его блестящий двор, 250 че-

ловек охраны и не менее чем 6000 солдат. Сопровождение императора Фридриха и его сына Максимилиана превосходило бургундское количеством, но никак не пышностью. Все лучшие гобелены, ковры, декоративные ткани, золотая и серебряная посуда, драгоценности и украшения, наряды и туалеты, военная амуниция – все было привезено в Трир.

Мне думается, что Карл не совсем правильно понимал, с кем имеет дело. Согласно представлениям своего двора, он полагал, что роскошь, помпезность и строгий этикет произведут должное впечатление на Фридриха. Но у германского императора были совершенно иные представления о ведении переговоров. Ему весь этот блеск и церемонии казались пустыми и ненужными. Я думаю, что частично провал этой встречи объясняется не только политическими интригами, как это все посчитали тогда, но и сложностями взаимопонимания. Они произвели друг на друга плохое впечатление и не смогли понять друг друга.

Переговоры продолжались почти два месяца. Формально обсуждалась возможность нового Крестового похода, а тайно, как мы теперь знаем, совсем другие вопросы, из которых главным для герцога была возможность коронации. Сначала он претендовал на титул Римского императора с тем, что в результате брака Марии и Максимилиана она потом все равно достанется их общим потомкам. Но тут Фридрих рисковать не мог, да ему бы и не позволили, с XIII века должность императора является выборной, так что он был не

вправе распоряжаться своей короной. Тогда переговорщики сошлись на том, что Карл будет коронован вновь созданным титулом короля Бургундии. И за это отдаст свою дочь сыну императора. Все было готово для коронации. А потом, однажды ночью, император вместе с сыном и свитой просто исчез, кстати, не заплатив по счетам, что вполне в духе этой семьи. Простите, Маргарет, но ваш отец печально знаменит этим по всей Европе.

После этого разговоры о возможности брака между Марией и Максимилианом затихли надолго, вплоть до гибели герцога.

Мария была послушной дочерью и не слишком активно участвовала в матримониальных планах своего отца. То ли она детским чутьем понимала, что все это только игра, то ли просто привыкла к постоянным переменам в этом вопросе. Но я как-то никогда не замечала, чтобы она волновалась по этому поводу.

Жизнь ее протекала в целом спокойно, периодически сотрясаемая событиями печальными, но вполне естественными: умерла ее мать Изабель, у которой всегда было слабое здоровье; скончался герцог Филипп, он правил без малого пятьдесят лет; на руках у своего обожаемого сына ушла из жизни ее бабушка Изабелла, это случилось в 1471 году, через три года после своего супруга. В 1470 году много шума наделало прибытие в наши земли низложенного английского короля Эдуарда IV со знатной свитой. Через несколько ме-

сяцев он отбыл назад и вернул свой трон, окончательно разгромив Ланкастеров. Были и радостные события, например, брак Карла Смелого и Маргариты Йоркской, вылившийся в одно из самых праздничных и помпезных событий столетия.

Став герцогом, Карл почти все время отсутствовал, ведя боевые действия в разных уголках своей обширной державы, отбиваясь от врагов и захватывая новые земли. Мария после 1468 года в компании с мачехой, с которой они полюбили друг друга, вела свой спокойный и размеренный образ жизни. Брак Карла и Маргариты напугал претендентов на руку вашей матери, возникла реальная угроза появления наследника Бургундского герцогства. Но через некоторое время стало ясно, что судьба уготовила Маргарите участь заботливой мачехи, а не матери, так что все пошло своим чередом.

Маргарита Йоркская, сестра двух английских королей, она никогда об этом не забывала, дама весьма твердая в своих убеждениях, бескомпромиссная, решительная. Она была герцогу Карлу не просто супругой, но и соратницей, помогала во всех делах: управляла его землями в его отсутствие, выбивала деньги на его военные кампании, вела обширную дипломатическую переписку, прежде всего с Англией, искала союзников, заручалась поддержкой. О, с ней было нам трудно, она горда, решительна и не терпит чужого мнения. Но для Марии она стала ангелом-хранителем, особенно в то время, когда все несчастья мира свалились на голову нашей бедной девочки. Я лично за это ей все и всегда прощала и

всегда старалась поддерживать мирные отношения. Сейчас уже мы редко сталкиваемся, но когда она прибыла в нашу страну и стала опекать нашу принцессу, было нелегко.

Жизнь Марии была довольно безмятежной, чего нельзя сказать об общей ситуации в наших землях. Все это время, от ее рождения в 1457 году до катастрофы 1477 года, в воздухе чувствовалось напряжение. Герцогский двор все больше дробился на противоборствующие части, интриговавшие друг против друга. До смерти старого герцога борьба в основном велась между его сторонниками и теми, кто поддерживал его наследника, все больше забиравшего власть в свои руки. После смерти стали противостоять не только старая и новая элита, но и сторонники профранцузской политики и носители яростных антифранцузских настроений.

В городах стали появляться странные люди, поползли самые разные слухи. Когда в Брюгге появились случаи заболевания чумой, к счастью, немногочисленные, немедленно заговорили об отравлении колодцев, даже обвинили бегинок, ухаживавших за больными, есть у нас в нижних землях такие, что-то вроде монашек.

К тому же, мне кажется, к концу жизни что-то серьезным образом мучило старого герцога Филиппа и герцогиню Изабеллу, и это были не просто личные отношения. Как будто они знали об угрозе, нависшей над нашими землями, и не могли ничего изменить.

Вскоре началась череда странных событий, о которых сто-

ит вам знать. Я не могу связать их воедино и тем более объяснить их, но они испугали нас всех. Началось все, во всяком случае мы оказались непосредственно втянуты в события, со смерти Беатрис, португальской принцессы, первой жены Адольфа де Равенштейна. Случилось это в 1462 году. Сеньор де Равенштейн, как обычно, находился с герцогом Филиппом, а Беатрис с сыном (маленькая дочь к этому времени уже скончалась) была в их доме в Брюгге. Смерть наступила мгновенно, причем при таких обстоятельствах, что никто не сомневался – она была отравлена. Адольф поспешил домой, приехала в Брюгге и герцогиня Изабелла, родная тетка усопшей, собрались и другие близкие, чтобы поддержать несчастного супруга. Все недоумевали: кому была нужна смерть жизнерадостной, слегка эксцентричной и самовольной португалки? У себя дома она уже не представляла никакой политической угрозы, там к тому времени прочно обосновался ее кузен, король Альфонсу V (его родная сестра – ваша бабушка Элеонора, мать Максимилиана), и даже обзавелся наследником, нынешнем королем Жуаном II. В интригах бургундского двора она не участвовала, словом, ее насильственная смерть нам всем показалась загадкой, тем более что ее убийцу так и не нашли.

Правда, уже после ее смерти выяснилось, что мы далеко не все о ней знали. Оказалось, что, находясь вне двора, она вела странную жизнь. Эта любительница ярких и роскошных нарядов, одетая всегда по-королевски, как и подобало

ей по рангу, шумная и эмоциональная, веселая и вызывающая, всегда бывшая центром внимания, считавшаяся многими легкомысленной и пустой, вела и другую, тайную жизнь: носила на теле власяницу, надетую прямо на голое тело, проводила ночи напролет в молитвах, питалась водой и хлебом и в отсутствие мужа спала на соломенной подстилке. По Брюгге поползли слухи о существовании какой-то загадочной секты, члены которой принадлежат к высшему обществу, занимаются самоистязанием, а потом убивают друг друга. Удивительно, как быстро возникают и распространяются такие глупости, как легко они обрастают подробностями, увязывают все концы с концами и принимают форму истины. Тайна здесь, конечно, была, но понять мы ее так и не смогли. Обсуждая детали этого дела, мы обратили внимание на то, что похожим образом погибли и братья Беатрис.

Ее отец, Педро, герцог Коимбры, был выдающимся политиком. Хотя начать, наверное, надо было бы с его отца, Жуана I. Молине вам о нем не рассказывал? Вот удивительно, он любит героические истории. Тем более что Жуан происходит из Бургундской династии, изучением которой так увлекается наш поэт, хотя и боковой ветви. К тому же он ваш прапрадед, причем дважды, с обеих сторон, – и материнской, и отцовской. Внебрачный сын португальского короля, он сумел привлечь на свою сторону кортесов и стать у власти. Этому предшествовали, как водится в тех южных странах, кровавые события: борьба с невесткой, племянником, оппозици-

ей внутри страны и внешними противниками, кастильскими войсками, за которыми стояла Франция. Когда, наконец, все они были разбиты, началось мирное обустройство страны. Жуан прославился как мудрый, образованный и гуманный король, не зря его называли Добрым, а иногда и Великим. Он был Великим магистром Ависского ордена, осадил и захватил Сеуту на африканском побережье, обеспечив своим кораблям беспрепятственный проход вдоль южной границы Средиземного моря, еще и потребовав от Папы Римского признания этого поступка новым Крестовым походом.

Но главным его успехом, по моему мнению, являлся его брак. Ваша прапрабабка Филиппа Ланкастерская была дочерью знаменитого Джона Гонта, сына английского короля Эдуарда III. Кстати, он родился в Генте, отсюда и его прозвище, его мать была графиней Эно, Голландии и Зеландии. От этого Гонта пошли все Ланкастеры. И что удивительно, и нынешний король Генрих VII Тюдор тоже его потомок, только от внебрачной связи. Филиппа была превосходно образована, свободно читала на латыни и греческом, прекрасно знала поэзию, была не только умна, но и деятельна. Вопреки португальской традиции того времени, она активно вмешивалась в политику, причем не только внутреннюю, но и английскую, и общеевропейскую. Величие ее супруга Жуана во многом основано и на ее деяниях.

Этот брак дал удивительное потомство, все их дети оказались замечательными. Дуарте стал королем и получил про-

звище Философ, или Красноречивый, в свободное от управления королевством время он писал ученые трактаты и поэмы. Педро считался одним из самых образованных принцев своего времени. Энрике, известный как Генрих Мореплаватель, прославился не только своими великими завоеваниями, но и открытием новых земель, и достижениями в области навигации. Бедняга Фернанду с детства интересовался религиозными вопросами, он был захвачен в плен во время военной экспедиции на север Африки, умер в плену и был причислен Папой Римским к лику блаженных мучеников. Ну а единственной дочерью Жуана и Филиппы была ваша прабабка Изабелла, мать Карла Смелого, тоже женщина исключительная.

Дети Педро, второго по счету сына, как вы, наверное, знаете из рассказов, после трагической гибели своего отца были вынуждены бежать из Португалии от преследований со стороны своего кузена Альфонсу V. Трое из них оказались при Бургундском дворе под покровительством своей тетки Изабеллы. Все это было за 15 лет до описываемых мною событий, и португальское семейство к этому времени успело примириться. Так что смерти, произошедшие с детьми Педро, трудно связать с вопросами престолонаследия. Первой умерла дочь Педро Изабелла, жена того самого Альфонсу V, который преследовал ее семью, говорят, любимая жена. Никто не сомневался, что ее отравили. Далее был отравлен Жуан Антиохийский, один из тех принцев, кто рос при Бур-

гундском дворе. В его гибели винили тещу, Елену Палеолог, и интриги вокруг трона Кипра, но кто знает? За ним последовал его брат Жайем, также росший в наших землях, он был епископом Арраса, потом тетушка Изабелла посоветовала ему отправиться в Рим, где он стал кардиналом, большая редкость для его юного возраста, только-только за 20, после чего он внезапно скончался. Далее пришел черед нашей Беатрис, жены Адольфа. Наконец, через пару лет после нее внезапно умер Педро, коннетабль Португалии, давно примирившийся с королем и служивший ему. Он, кстати, был женихом Маргариты Йоркской, вашей бабушки, но брак не состоялся. Вне всяких сомнений, он был отравлен. Ему, единственному, удалось дожить до солидного тридцатисемилетнего возраста, остальные погибли, не дотянув и до тридцати. Правда, говорят, в монастыре в Португалии до сих пор жива их сестра-монахиня, но она не в счет. Трудно объяснить эти смерти случайным совпадением. Но и отыскать, что их объединяет, тоже почти невозможно. Нам это не удалось.

Впрочем, вскоре всеобщее внимание привлекли новые драматические события при дворе, и бедная Беатрис была забыта. В личном услужении у герцога Филиппа находился некий Жан Кустэн. Герцог ему очень доверял и осыпал его своими милостями. Супругой Жана была Изабо Машфуэн («Это нынешняя жена мессира Оливье де ла Марша», – вспомнила Маргарет рассказы Молине.) Пренеприятнейшая

особа, я вам скажу, но умеет найти подход к людям, если захочет. Сейчас она стала очень набожной, а когда-то была той еще штучкой.

Так вот, эта Изабо до крайности сдружилась с вашей бабушкой Изабель. Бедняжка была очень одинока, Карл все время был в разъездах, ее единственным утешением была малютка Мария, но этого недостаточно. Вот она и приблизила к себе эту самую Изабо, бойкую на язык и весьма неглупую. Дошло до того, что они стали одеваться в одинаковые платья, может, вы не знаете, но у нас это делается в знак близкой дружбы. Карл Смелый и его сводный брат Антуан Бастард часто в юности носили одинаковые одежды. Все это страшно не нравилось Карлу. Тем более что Кустэн стал тоже очень близок к стареющему Филиппу, которому было трудно без него обходиться. Вроде бы этот Кустэн был еще и ставленник семьи Круа, которой в то время Карл объявил войну. Все это привело к конфликту, в результате которого, согласно официальной версии, Жан Кустэн решил отравить наследника Бургундского герцогства, чтобы сохранить при дворе позиции, свои и своей жены. Он отпросился у Филиппа и отправился в Дижон, он был родом из тех мест, а дядя Изабо был мэром этого города. Отсутствовал он почти полгода, что привлекло внимание двора, так как все знали, что часто болевший в то время Филипп нуждался в нем.

В Дижоне он познакомился с каким-то чиновником, рассказал о своих планах, не раскрывая личности того, кого со-

бирается отравить. Этот его новый знакомый отправился в Италию, чтобы купить яд. Кустэн, получив яд, вернулся в Брюссель, где в это время находился герцогский двор. При этом он бросил своего приятеля, не сдержав обещания найти ему хорошее место. Все это очень странно. Конечно, известно, что Италия и Испания – страны яда, но при необходимости его и здесь достать можно, невелика редкость. И зачем было привлекать какого-то неизвестного? Тем более что он его в итоге и выдал, приехав во Фландрию за обещанной наградой. Кустэна схватили по приказу Карла. А потом и казнили, хотя Филипп и пытался спасти его жизнь.

Известно, что перед смертью Кустэн сделал на исповеди какое-то страшное признание. Оно так поразило священника, что он позвал Карла Смелого и попросил Кустэна повторить сказанное. Никто не слышал, о чем шла речь, они стояли в стороне, но их было хорошо видно. Говорят, что, услышав признание, Карл отшатнулся, страшно побледнел и несколько раз перекрестился. После чего Кустэна отвели на казнь. Карл никому, насколько мне известно, не рассказал об услышанном. У правителей есть свое бремя, которое, увы, им часто приходится нести в одиночку. Но, думаю, он знал о причинах смерти Беатрис, о покушении на его жизнь и о других смертях, случившихся в те годы, больше, чем другие.

И гибель вашего деда, самого Карла, разве она не удивительна? Дело в том, что даже в наше ужасное время есть определенные правила ведения войны. Правители такого

ранга, как Карл, носят знаки отличия, чтобы даже в пылу битвы можно было заметить их среди других воинов. Ни один рыцарь не поднял бы руку на правителя такого уровня, каким был ваш дед. Его противник Рене Лотарингский устроил ему пышные похороны, оказывая всевозможные почести.

Что касается рядовых воинов, в данном случае обвиняют швейцарских наемников, они интересуются не честью, но наживой. И в этом случае живой герцог Бургундии дал бы им больше, чем мертвый. Да, конечно, они завладели его имуществом, большая часть которого потом была у них изъята. Но живой герцог, да еще и такой! Это же огромный выкуп, который, не сомневаюсь, за него заплатили бы его жена и дочь, даже если бы им пришлось продать все, что только можно. Ни один наемник, не говоря уже об обычных воинах, не будет убивать правителя такого масштаба. Конечно, во время битвы бывают случайности. Но тело герцога было изрублено на куски. Значит, либо он снял опознавательные знаки, сознательно желая умереть, – в это я не поверю никогда, у него было слишком много честолюбивых планов на жизнь, – либо он был сознательно убит кем-то, кому за это заплатили. Или кто хотел его убить.

Я уже не буду говорить ничего о гибели вашей матери. Превосходная наездница, с малолетства выросшая, можно сказать, в седле, находившаяся на своем любимом коне, спокойном и послушном. Как могло случиться то, что случи-

лось? Да, конечно, всегда может произойти непредвиденное несчастье, случай, неудача. Но тут как-то уж больно все совпало. В последние месяцы ваша мать была явно чем-то удручена. Все списывали на смерть ее малютки, вашего младшего братца Франциска. Но уже прошло время, более того, не все об этом знали, но уж я-то была в курсе, она ожидала нового дитя. Все складывалось удачно, но казалось, что что-то ее угнетает. Она ничего не рассказывала, но я-то знала ее лучше других. Какие-то странные письма, которые она сжигала, подозрительные люди, с которыми она встречалась один на один. Что-то происходило, а она прятала все в себе, не делилась ни с кем, ни со мной, ни с мачехой, которой доверяла полностью, ни с мужем, который был ей так близок. И вдруг – внезапная гибель, неудачное падение с коня. Нет, ее убили, вот что я вам скажу!

Все эти странные смерти окружали нашу жизнь в те годы. Но уже совсем поздно. Не хотите ли вы спать, дитя мое?

Глава 3. Нечаянная любовь

Уже была глубокая ночь. Несколько раз меняли свечи и приносили теплое пиво для мадам де Альвен. Маргарет согрелась и забыла о нападении. Ее увлекла история жизни ее матери. Люди, события, интриги – все связалось в единый узел. Многое ей становилось ясно, но еще больше запутывалось. «Рука Господа хранит меня. Я разберусь», – думала Маргарет.

– О нет, я совсем не хочу спать, мне хорошо, – возразила она. – Я так рада, что мы наконец-то можем вволю поговорить. Все это для меня очень важно. Но у меня по-прежнему есть один вопрос, одно сомнение. Моя мать. Она предстает в рассказах как нечто эфемерное, неземное и воздушное. Я не вижу ее живой и реальной женщиной. Неужели у нее в жизни не было ничего, что было таким, как у всех, реальным и живым? Какие-то слабости, недостатки, наконец? Она же была земной, а не небесной Марией.

– Иногда я в этом сомневалась, – ответила старая дама. – Она была слишком прекрасна для этой жизни. Или так нам виделось, по крайней мере.

Жанна задумалась. Маргарет сидела тихо, пытаясь представить ту жизнь, которую описывала старая гувернантка ее матери. Это было не так уж давно. Но сколько же всего переменялось! Удивительная вещь – время...

– Ну хорошо, – решила Жанна, – я не хотела вам рассказывать об этом. Думала, что важно сохранить для вас светлый и чистый образ вашей матери, тем более что она такой и была. Но я поняла, что вы правы, не надо делать из нее бесплотный дух. Она была живой и веселой, созданной для любви и счастья не менее, чем для той роскоши и власти, которые ее окружали почти всю ее жизнь. Ее много любили. Но беда была в том, что все любившие ее делились на две части: те, кто мечтал жениться на ней и овладеть, нет, не ею, а ее землями, и те, кто боготворил ее, видя в ней живое воплощение кто Девы Марии, кто Бургундии, кто Великой Богини Любви. Я знала только одного человека, который любил саму Марию – милую, добросердечную, искреннюю, ласковую, наверное, не слишком умную. О, она была прекрасно образована, но понимала больше сердцем, чем головой. Она даже не могла быть капризной, все ее желания исполнялись, а окружающие, то есть все мы, оберегали и лелеяли каждый ее шаг. Напрасно считается, что капризны богатые, нет, это те, кто ничего не имеет, но всего хочет, вот они-то часто и живут в зависти и неудовлетворенных желаниях, портящих характер.

Она не любила власть. Простите, моя дорогая, но уже в вашем юном возрасте я вижу у вас задатки правительницы. Кто бы ни был ваш будущий муж, вы захотите властвовать, потому что вы мудры и целеустремленны, в вас есть честолюбие ваших предков, хотя и нет гордыни. Заметьте, я считаю,

что это очень хорошо. Признаюсь, что это то, чего не хватает нашему новому герцогу, вашему брату. У него есть гордыня, но нет честолюбия. В вашей матери не было ни того, ни другого. Для нее управление Бургундией было служением, долгом, она родилась и выросла с этим, не мучаясь ненужными сомнениями. Она была нежной женой и любящей матерью, но оставалась правительницей, потому что иначе было нельзя. И даже шла наперекор мужу, хотя и не любила этого.

Так удивительно ли, что ее сердце отозвалось на чувство, в котором не были замешаны ни обширные земли, ни королевские короны, ни священное почитание? Да, ваша мать полюбила, хотя и понимала всю безнадежность своей любви. Не люди или обстоятельства помешали ее чувству. Был момент, когда она могла бросить все и отдаться своему чувству, кто знает, что бы сейчас было... Нет, его отобрала Бургундия, которой вашу мать приучили служить до последнего дыхания. Что она и делала.

Жанна горестно смотрела в камин. Печальные воспоминания нахлынули на нее. Не такими далекими они и были. Во всяком случае для нее. Потом она взглянула на Маргарет, устроившуюся в глубоком кресле посреди подушек и покрывал, порозовевшую и заинтересованную, и начала своей рассказ.

– Давайте перенесемся в конец 1476 года. Наверное, мы уже предчувствовали беду, но торжества в тот год были особенно шумными и веселыми. Вы еще не знаете, как в на-

ших краях проходят праздники! Наш суровый и строгий народ веселится так, что удержу нет. А уж Праздник дураков и двенадцать дней Рождества отмечается так, что потом весь год вспоминаются, до следующего декабря. Да, уже столетия назад Папа и его Собор ввели запрет на проведение этих безумных гуляний, а парижские богословы вынесли строжайшее осуждение столь недуховному празднованию Великого праздника, но в нижних землях это мало кого остановило, не знаю уж, как в других местах.

Вы, конечно, знаете историю той странной войны. Я никогда не могла понять ее смысла, да и не я одна. Словно какая-то одержимость напала на вашего деда Карла, какое-то затмение разума, да простится мне такая дерзость! Я всего лишь женщина, и хотя и провела всю жизнь при герцогском дворе, но далеко не всегда могла разобраться в политических интригах того смутного времени. Мое дело было следить за дочерью герцога, за ее здоровьем, физическим состоянием, душевным спокойствием, благополучием, даже воспитание и образование ее были не в моей компетенции. Этим занималась Анна де Равенштейн, ее тетка. К политическим наукам и премудростям ее приобщала мачеха Маргарита и советники герцога. Сам герцог с дочерью о делах герцогства беседовал мало, предпочитая совместное чтение книг и игру в шахматы в те редкие минуты, когда им удавалось оказаться вместе.

Но и мне, далекой от политики, было понятно, что про-

исходит что-то странное, непредвиденное. Доверенные лица герцога находились в заметном смятении. Старые соперники, как старики де Круа, вдруг возвратились к Бургундскому двору, чтобы вскоре умереть. Давние союзники, как Иоланда Савойская или герцог Милана Галеаццо Сфорца, отвернулись от Карла Смелого.

А ведь начало событий было впечатляющим. Триумфальный захват Лотарингии в предыдущем 1475 году и торжественная инаугурация Карла в Нанси ровно за год до описываемых событий стали вершиной его славы завоевателя. Он смог объединить свои северные земли через захваченную им Лотарингию и Эльзас, полученный у Сигизмунда Габсбурга, герцога Австрии и Тироля, с южными бургундскими землями. Добрый король Рене был готов передать под его покровительство Прованс, а задушевный друг герцогиня Иоланда, ненавидевшая всей душой своего брата короля Людовика XI, – Савойю. Это было бы то самое грандиозное, великое и могущественное государство в Европе, которое Карл видел в своих амбициозных мечтах. Английский король Эдуард был его шурином и союзником, с императором Фердинандом III они только что договорились о браке своих детей (правда, в который уже раз!), Милан и Венеция, Римский Папа Сикст IV, Испания и Португалия, все поддерживали Карла. Людовик XI был слишком осторожен, чтобы лезть на рожон в этой ситуации, и вел переговоры с Карлом о возможном урегулировании спорных вопросов. Одни только швейцарцы сража-

лись за свои земли и соседние с ними земли Савойи, но сами по себе они ничего в то время не значили, так, группа забияк и наемников.

И вдруг что-то случилось. Все стало разлетаться вдребезги, и мы, дамы, сидевшие в своем великолепном дворце, никак не могли разобраться, что же пошло не так. Поражение при Грансоне. Поражение при Муртене. Швейцарские войска дважды за один год нанесли поражение герцогу, его репутация непобедимого воина была разрушена, а престиж на мировой арене стал заметно падать. А в начале октября этот юнец Рене Лотарингский смог отвоевать Нанси! Конечно, не без помощи Людовика, но какой удар по самолюбию Карла.

Поведение нашего герцога стало непредсказуемым. Кажется, в тот злополучный 1476 год им овладел дух саморазрушения. Те связи, которые с таким трудом устанавливали его предки, он рвал решительно и бесповоротно. Иоланду Савойскую, говорят, она была не только его союзником, но и влюблена в него, Карл обвинил в сговоре с Людовиком и приказал арестовать вместе с малолетним сыном, герцогом Филибертом, он был кузенком вашего знакомого Филиберта. Миссию эту поручили Оливье де Ла Маршу. Наш доблестный рыцарь страдал невероятно, но приказ выполнил, хотя и упустил, до сих пор так и не знаю, случайно ли, маленького герцога, которому удалось найти убежище у своего дядюшки короля Людовика. Иоланду держали в заключении, зачем? Никто не мог понять. В итоге она примирилась со

своим братцем Людовиком, которого ненавидела всю жизнь, и с его помощью сбежала из плена.

Карл стал чрезмерно подозрительным и всех обвинял в измене. Его одолевала ненависть к Людовику XI, он не мог справиться со своими чувствами даже ради благоденствия своих земель. Ему казалось, что весь мир против него, его идеалы и принципы были разрушены. Его прадед, дед и отец не гнушались подкупа, лести, хитрости и интриг, если речь шла о возвышении Бургундии. Они прекрасно знали цену своему окружению, но принимали его таким, какое оно есть, одаривали, обласкивали, возвышали. И им служили, им подчинялись, с ними заключали союзы. Карл же захотел въехать в историю на белом коне и с развевающимися знаменами, он не желал подстраиваться под людей и события. Он был избалован, что там говорить, получил слишком много, оставалось только терять.

После неудачных попыток отвоевать у швейцарцев земли своего верного союзника Жака Савойского, графа Ромона, Карл бросил все силы на возвращение Нанси. Это стало одержимостью. Осада началась в октябре и продолжалась до описываемых мною событий. У нас было мало известий с места событий, мы довольствовались слухами. Было ясно, что армия устала, началось дезертирство. От герцога шли письма с требованиями – денег, людей, амуниции, провианта, артиллерии, пороха. В какой-то момент нам показалось, что это всего лишь только нелепая случайность и удача вот-вот

вернется к бургундскому герцогу. Говорили, что силы и провиант жителей Нанси на исходе, к тому же они чувствовали себя брошенными на произвол судьбы, герцог Рене так и не получил желанную поддержку от французского короля и продолжал находиться при дворе Людовика. Нанси был готов сдаться. Может быть, нам просто не хотелось смотреть правде в глаза. Но рождественских празднеств в тот год мы все ждали с особым нетерпением.

Начиная со второй половины декабря подготовка к торжествам шла полным ходом и при герцогском дворе, которым в его отсутствие заправляла его супруга Маргарита. Праздновать Рождество и все последующие дни было решено в Брюгге, во дворце Принсхофф, который незадолго до этого был расширен и приукрашен. Маргарита, правда, любила свой дворец в Мехелене, но Мария обожала Брюгге, так что остановили свой выбор на последнем. Карл участвовал в осаде Нанси, но обе женщины его тайно ожидали к празднику. Увы, им не суждено было его больше увидеть...

Марии исполнилось девятнадцать. Она была хороша собой, прекрасно пела и танцевала. Любила и простые развлечения, с нетерпением ждала народных гуляний. Карл не позволял своей дочери «низких» развлечений, призывая ее постоянно помнить о своем величии, но Маргарита была гораздо более демократична и понимала, что ничего плохого от веселья и радости не будет. Более того, с политической дальновидностью, которая ей свойственна, она сознава-

ла, что Мария любима в народе, ее считали «своей» и гордились тем, что она не чурается простых забав. Герцог был великолепен в своем блеске и величии, но Мария была близка и понятна простым жителям Фландрии. Что, впрочем, ей не помогло в ближайшем будущем.

В компании своих друзей и верных рыцарей Мария радовалась предстоящим праздникам. Их собралось множество, бургундские празднества в ту пору еще славились своими застольями, пышностью и весельем. Были и постоянно находившиеся при дворе кузены де Круа Карл и Вильгельм, Филипп Клевский, присоединился к компании его кузен Иоганн со своими младшими братьями, смогли вырваться на праздники из-под Нанси Жак Савойский и Филипп, сын Антуана. Были, конечно, и дамы: девочки из семейства де Круа и Клев и многие другие. Но царицей всех празднеств неизменно была Мария, это ей полагалось по статусу и было заслужено ею лично.

Я говорю о молодежи. Сподвижники Карла находились вместе с ним под Нанси, супруги их составляли нам компанию. Были приглашены и все видные семейства Брюгге. Прибыли и посланники из разных земель, оказать уважение и заодно поразузнать, что происходит в землях герцога. Слухи о том, что Карл сдает позиции, распространились повсеместно и вызвали волнения, все гадали, в какую сторону склонится чаша весов в европейской политике.

Зима была холодной, и вся юная компания с удоволь-

ствием каталась на коньках по каналам города, который уже начали украшать рождественскими декорациями – ветвями остролиста и плюща, флагами и вымпелами. Каждый день устраивались танцы, пения, игры в мяч в особо отведенной для этой цели зале во дворце. Готовили карнавальные костюмы, дурачились, придумывали шалости и розыгрыши.

Но самым любимым занятием оставалась охота. Каждый день молодежь всей толпой отправлялась в новое место, помогая пополнить праздничные запасы дичи, ну, во всяком случае, они так считали. На самом деле эти выезды создавали больше проблем, всю это огромную ораву надо было не только обслуживать конюхам, псарям, сокольничим, пажам, приставленным к охотничьим службам, но и целой армии поваров и слуг, так как молодежь на свежем воздухе все время была голодна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.